

Системная динамика российской региональной элиты (1985 – 2019 гг.): альтернативные сценарии

System dynamics of the Russian regional elite (1985 - 2019): alternative scenarios

УДК 32

Получено: 07.12.2019

Одобрено: 15.12.2019

Опубликовано: 25.12.2019

Жуков Д.С.

канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
e-mail: ineternatum@mail.ru

Zhukov D.S.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Political Science, Tambov State University
e-mail: ineternatum@mail.ru

Сельцер Д.Г.

д-р полит. наук, профессор кафедры международных отношений и политологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
e-mail: seltser@yandex.ru

Seltser D.S.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of International Relations and Political Science, Tambov State University
e-mail: seltser@yandex.ru

Аннотация

Статья содержит описание системно-динамической модели (СДМ), которая предназначена для имитации системы рекрутирования региональной административно-политической элиты. Хронологические рамки исследования: 1985 – 2019 гг. Для построения модели привлечены экспертные оценки и эмпирические данные, фиксирующие трансформационные процессы в Рязанской, Самарской, Тамбовской, Ульяновской областях, республиках Мордовия, Удмуртия и Чувашия. Авторы представляют основные подходы и инструментарий СДМ. Разработанная модель реализуется в программной среде Powersim. Для изучения базового и альтернативных сценариев эволюции элиты проведено несколько серий компьютерных экспериментов. Трансформация системы элитозамещения и динамика состава элит были сильно зависимы от фундаментальных исторических факторов; таких, прежде всего, как возникновение новых социальных сил и групп интересов. В значительной мере эволюция элит оказалась зависима также от стартовой точки – от решений, что были приняты федеральным центром в начале 1990-х гг.

Ключевые слова: системная динамика, моделирование, региональная элита, рекрутирование элиты, трансформация элиты, альтернативные сценарии.

Abstract

The article contains a description of the system-dynamic model (SDM), which is designed to simulate the recruitment system of the regional administrative and political elite. The chronological scope of the study is 1985 - 2019. The model is based on expert estimates and empirical data fixing transformation processes in the Ryazan, Samara, Tambov, Ulyanovsk regions, the republics of Mordovia, Udmurtia and Chuvashia. The authors present the main approaches and tools of SDM. The model operates in the Powersim software environment. The authors conducted several series of computer experiments to study the basic and alternative scenarios of the evolution of the elite. The transformation of the recruitment system was highly dependent on fundamental historical factors (first of all, the emergence of new social forces and interest groups). The evolution of elites was also dependent on the starting point, that is, on decisions taken by the federal center in the early 1990s.

Keywords: system dynamics, modeling, regional elite, elite recruitment, elite transformation, alternative scenarios.

Задачи и подходы

В истории очень часто возникают вопросы в логике «Что было бы, если...». Что было бы, например, не случись в России стихийные катаклизмы рубежа XVI – XVII вв.? Не было бы Смуты и, шире, всего «бунташного» века? Или победы вдруг на Сенатской площади декабристы? Наступила бы гармония власти и общества? Или не вступил Николай II в Первую мировую войну? Не было бы революции и гражданской войны? Или закрепилась у власти в 1917–1918 гг. Временное правительство с Учредительным Собранием? Россия стала бы демократической страной? Или отправил М.С. Горбачёв Б.Н. Ельцина послом в Парагвай? Перестройка была бы успешна, а мы стали бы жить счастливо?

Вопросы, кажущиеся фантазийными, вместе с тем, тоже имеют право на жизнь примерно так же, как любая гипотетическая реальность имеет право на сопоставление с реальностью исторической. Хоть и существует едва ли не нормативное представление, что история не терпит сослагательного наклонения, всё же полагаем, что поиск альтернатив в истории – вовсе не бессмысленное занятие. Нам думается, уместна такая формула: не пытаешься понять исторические альтернативы – не будешь прогнозировать политические повороты. А они и есть порой суть исторических перемен. Не погружаясь в глубь веков, авторы предлагаемой статьи, воспользовавшись благоприятными возможностями современных технологий, предлагают поразмышлять, как могла бы сложиться совсем недавняя и даже текущая российская политика, если бы произошли некоторые – вполне, нам представляется, возможные – события.

Авторы, взяв за основу эмпирические данные, полученные из исследований трансформации элит Рязанской, Самарской, Тамбовской, Ульяновской областей, республик Мордовия, Удмуртия и Чувашия [13], провели компьютерные эксперименты с разработанной ими системно-динамической моделью (СДМ) их рекрутирования. Такие эксперименты позволили получить различные сценарии развития изучаемых нами политических процессов.

Модель создана и реализуется посредством программы Powersim Studio. Она описывает состояние и характер взаимоотношений различных социо-политических сил (акторов) и механизмов пополнения элиты. Основные элементы и правила работы модели детально изложены в наших предшествующих публикациях [5 – 7; 14 – 17]. Там же представлена и методология работы. Система в рамках СДМ представляется в виде диаграммы (схемы) запасов и потоков. Элементы и связи в такой диаграмме отражают качественные политологические представления и, в то же время, наделены определёнными математическими смыслами. Модель, записанная и изображённая в виде диаграммы запасов и потоков, функционирует в виртуальной среде и поэтому может быть использована для постановки имитационных компьютерных экспериментов (симуляций).

Разработанная нами СД-модель имитирует ряд хронологически последовательных состояний системы рекрутирования: диаграмма запасов и потоков совмещает несколько исторических периодов – с 1985 до 2019 г.

Интерес представляет динамика численности двух запасов («низшее и среднее звенья элиты» и «высшее звено элиты»), а также количество людей, которые пополняли элиту (каждый из двух запасов) из разных источников (и посредством разных механизмов) в течение каждого периода. СД-модель позволяет отслеживать (по состоянию на каждое полугодье) интенсивность потоков, которые пополняют элиту и исходят из разных социальных источников (сред / резервуаров).

Конкретные задачи исследования сводились к проведению компьютерных экспериментов, количественному анализу и качественной интерпретации результатов базового и альтернативных сценариев.

Литература

Кросс-темпоральных исследований, модельных исследований административно-политических элит очень мало. На общем фоне выгодно выделяются фундаментальные работы В.П. Мохова [10; 11] и, особенно, О.В. Гаман-Голутвиной [2; 3]. Как правило, элиты становятся объектами изучения в рамках парадигм «централизация – децентрализация», «центр – периферия» [9; 12; 15; 29; 31], и это, конечно, исследования постсоветских элит. Есть удачные попытки сравнения кадровой политики СССР и современного российского государства [18]. Вышли публикации с анализом эволюции и расклада сил в местных сообществах с некоторыми попытками исторической ретроспекции [20; 21; 25 – 28].

Если говорить о собственном методе, используемом нами, то в базовых публикациях по СДМ Дж. Форрестера [19], Д. Медоус [8], Р. Аксельрода [23] показано, что этот инструментарий может быть весьма продуктивен для изучения политических систем и процессов. Использование СДМ в политологии представляется перспективным и российским исследователям [1]. В ряде работ авторы применили СДМ для имитации конкретных социо-политических систем. Это работы Дж. Гараедаги [4], П. Сорци [30], С. Армения и коллег [22], Н. Чокри и коллег [24]. Последняя из упомянутых публикаций, сделанная группой специалистов из Массачусетского института технологий, заслуживает особого внимания в связи с тем, что являлась в некоторой мере прообразом исследовательского дизайна нашей работы. Н. Чокри и коллеги разработали СД-модель политической стабильности в некотором неназванном государстве. Причём, в центре их внимания находилась система рекрутирования политических экстремистов. Представления о её структуре и принципах функционирования были получены исследователями из эмпирических работ. В ходе компьютерных экспериментов авторы меняли входные данные, рассматривая различные варианты функционирования системы рекрутирования. Это позволило сформулировать несколько гипотетических, – но вполне возможных – сценариев, среди которых был выделен один реалистичный (консервативный, инерционный) и несколько альтернативных.

Диаграмма запасов и потоков

Математический аппарат модели представлен в одной из наших предшествующих статей [5]. Модель в формате Powersim доступна онлайн: <http://ineternum.ru/sdm1/>. Единица времени в модели – период, равный полугоду. Стартовый (первый) период соответствует первой половине 1985 г., а завершающий (70-й) – второй половине 2019 г.

Разработанная СД-модель предназначена для имитации нескольких состояний системы, что позволяет рассмотреть не только современные механизмы рекрутирования элиты, но и их генезис. Принципы, практики и структурные элементы системы рекрутирования в ходе недавней истории претерпели многочисленные изменения. Поэтому диаграмма запасов и потоков является своего рода метатемпоральной: совмещает реалии исторических

периодов. Некоторые элементы диаграммы (например, райкомы КПСС) существовали в течение одного периода, другие – в течение нескольких периодов, но имели в разное время разный вес. Меняя весовые коэффициенты связей, мы имеем возможность ослаблять (вплоть до полного исчезновения) влияние отдельных акторов и механизмов. Такой подход позволяет проследить метаморфозы системы рекрутирования в рамках одной модели.

В ряде случаев существенно различные акторы занимали в разное время одну и ту же функциональную позицию в системе рекрутирования: поэтому на диаграмме один элемент может замещаться другим.

Обозначения элементов диаграммы, а также их названия в рамках СДМ и в рамках политологического дискурса приведены в табл. 1. На рис. 1 представлена диаграмма запасов и потоков.

Таблица 1

Обозначения элементов диаграммы запасов и потоков

Графические элементы	Названия в данной модели	Термины, принятые в СДМ
	звенья	запасы / уровни / переменные уровней
	потоки	потоки / материальные связи
	среды / социальные резервуары	внешние источники
	механизмы	переменные темпа
		вспомогательные переменные
	акторы	вспомогательные переменные
	влияние	коннекторы / информационные связи
	ярлыки	ярлыки / псевдонимы

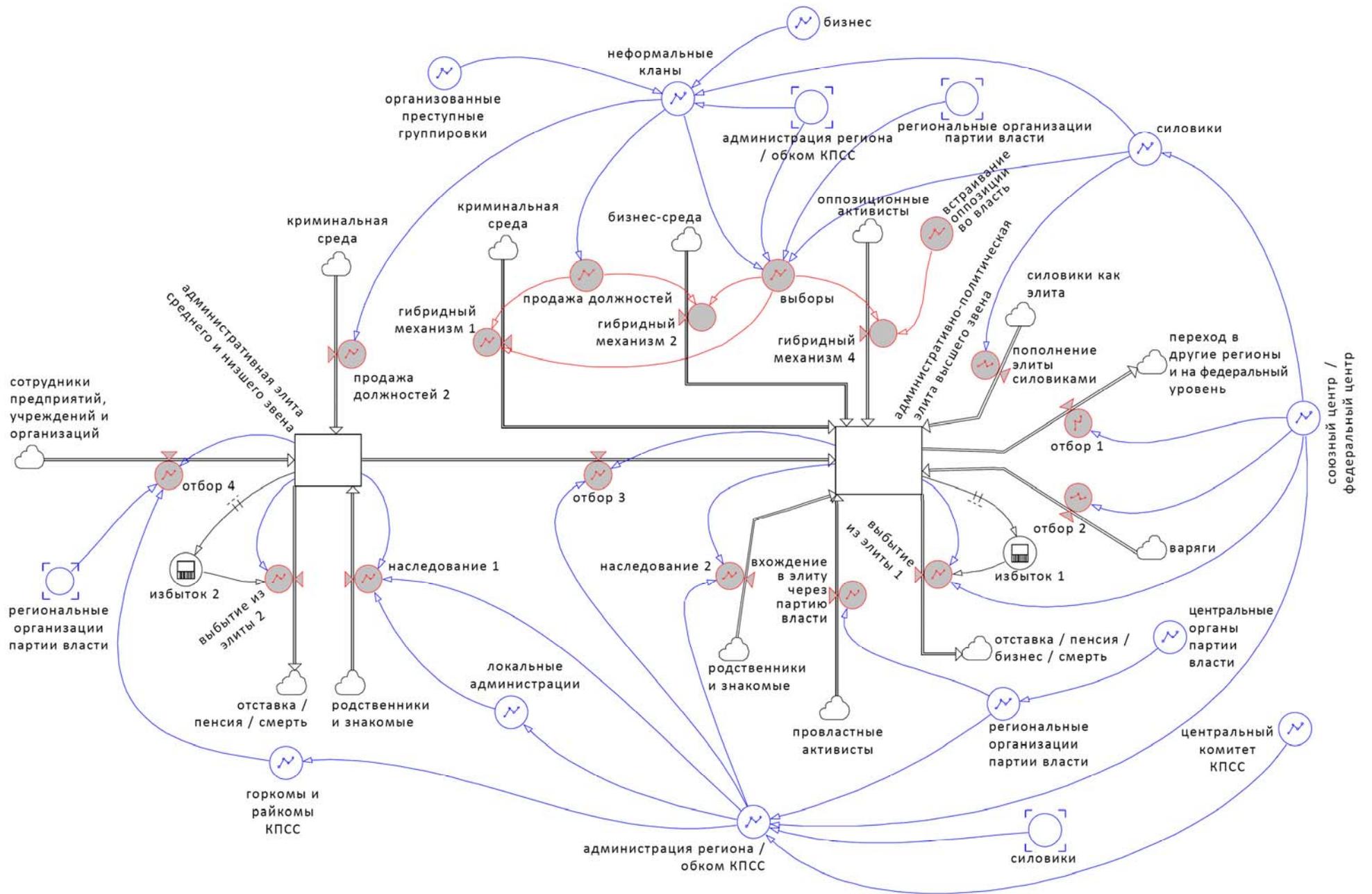

Рис. 1. Диаграмма запасов и потоков

Звенья (в терминологии СДМ – уровни, запасы) представляют собой физические совокупности элиты – группы людей, занимающих определённые позиции и соответствующих определённым критериям. Мы рассмотрели две условные совокупности: «административная элита среднего и низшего звена» и «административно-политическая элита высшего звена».

«Административная элита среднего и низшего звена» – это большая часть региональных чиновников и деятелей местного самоуправления. Они исполняют решения вышестоящих организаций и лиц; не принимают решений относительно региональной политики; не принимают решений относительно формирования и расходования бюджетов.

«Административно-политическая элита высшего звена» – группа лиц, которые имеют возможность принимать решения по существу региональной политики или влиять на подобные решения; принимают решения о формировании и расходовании бюджетов или влияют на эти решения.

Система рекрутирования включает в себя несколько потоков (обозначаются двойными стрелками), по которым звенья пополняются людьми и освобождаются от людей. Потоки – пути институционального перемещения людей (смены статуса, места работы, социальной принадлежности). Потоки являются однонаправленными – люди движутся по этим каналам только из «пункта отправления» в «пункт назначения».

Звенья соединены потоками между собой, а также с некоторыми социальными резервуарами (обозначены «облаками»). Это социальные среды, выходцы из которых пополняют то или другое звено элиты.

Количество людей, которое продвигается по тому или иному потоку за единицу времени (скорость, темп потока), регулируется некоторыми механизмами рекрутирования (обозначены красными окружностями с серой тонировкой внутри). Это своего рода вентили, которые можно открывать или закрывать – полностью или частично. В зависимости от того, насколько открыт клапан (т.е. насколько эффективно работает механизм), скорость потока меняется, т.е. увеличивается или уменьшается количество людей, переходящих по потоку в «пункт назначения» (если, конечно, в «пункте отправления» достаточно людей).

Полное перекрытие клапана эквивалентно замораживанию или ликвидации соответствующего механизма и, как следствие, приостановке пополнения элиты из соответствующего социального резервуара.

В данной модели механизмы представляют собой, по существу, социальные институты – совокупности соглашений, общепринятых норм и практик. Посредством таких институтов и осуществляются переходы людей из одной социальной (или административной) позиции в другую.

Обратим внимание на ключевые типы механизмов рекрутирования, представленные в модели:

- «отбор»: продвижение по карьерной лестнице в соответствии с существующими нормативными принципами кадровых перемещений;
- «наследование»: получение должностей через неформальную поддержку родственников и «знакомых»;
- «выборы»: формирование властных органов (глав администраций и legislatures) через выборы;
- «продажа должностей»: неформальные практики прямого подкупа или предоставления иных выгод лицам, принимающим кадровые решения.

Механизмы существуют и функционируют не сами по себе: они приводятся в действие и находятся под влиянием акторов – социо-политических сил, обладающих собственной организационной волей. Акторы (обозначены синими нетонированными окружностями) воздействуют на потоки не напрямую, а лишь через посредство

механизмов. Акторы продвигают в элиту представителей некой среды, выступающей как их социальная база.

Не имеющие подконтрольных механизмов акторы теряют влияние на систему рекрутирования вне зависимости от могущества акторов в целом. В модели действует и обратное правило: механизм, лишённый поддержки акторов, автоматически закрывается. Исключением из этого правила является один «беспризорный» механизм, не имеющий своего актора-регулятора. Механизм «встраивание оппозиции во власть» в начале 1990-х гг. работал в полную силу под влиянием социальной стихии, однако с середины 2000-х гг. он функционирует определённо слабо.

Одинарные линии-стрелки (коннекторы), которые связывают акторов с механизмами и между собой, обозначают влияние – способность одного института воздействовать на другой (в соответствии с направлением стрелки). Влияния, в отличие от физических потоков, представляют собой информационные связи.

Влияния могут иметь разную силу, которая в компьютерных экспериментах может меняться по воле экспериментатора. Влияния могут быть как положительными (усиливающими объект влияния), так и отрицательными – ослабляющими.

На схеме присутствуют ярлыки (обозначены угловыми чертами), которые являются дубликатом исходных элементов и позволяют сократить некоторые слишком длинные коннекторы.

В модели присутствуют причинно-следственные петли (обратные связи) – это влияния, которые исходят от звеньев к механизмам и регулируют пополнения самих же звеньев. Такие петли означают, что элита определённым образом воздействует на своё формирование. Среди прочего, подобные петли позволяют отразить в модели фундаментальное свойство элитозамещения – склонность элиты замыкаться и превращаться в сословие, передавая свой статус по наследству. Некоторые причинно-следственные петли сформированы таким образом, что по мере заполнения звена людьми, они усиливают механизм наследования и ослабляют механизм отбора.

Ещё один тип причинно-следственных петель обеспечивает сброс численности звена, если оно превышает определённую оптимальную величину. Оптимум был установлен нами как средняя численность звеньев в изученных регионах. Для высшего звена это 40 человек; для низшего и среднего звеньев – в совокупности 300 чел. Эта обратная связь действует с задержкой.

История: возникновение, отношения и динамика акторов и механизмов

Современная система рекрутирования региональной административно-политической элиты представляет собой, в полном смысле слова, продукт исторического развития. Эта система состоит из множества напластований, разных механизмов, функционирующих в интересах разных акторов и на основании разных – в сущности, противоречащих друг другу – принципов. В ходе многочисленных трансформаций и обновлений многие механизмы рекрутирования не были уничтожены полностью (за исключением номенклатурных практик), а лишь отодвинуты на задний план. Кроме того, некоторые модернизированные инструменты подбора и расстановки кадров являются лишь имитационными, поскольку маскируют иные – исторически унаследованные – правила игры.

Соответственно, имеется довольно большое число акторов, которые влияют на состав элиты. Конфигурация этих акторов не всегда совпадает с формальными нормами и, как правило, не представляется достаточно прозрачной. Внутри системы происходят многочисленные явные и скрытые институциональные конфликты. Сама система рекрутирования в таких условиях не может быть стройной и завершённой: нет некоторых незыблемых и унифицированных критериев подбора кадров, логики выстраивания карьеры, принципов отбора и элитных фильтров, требований к личным и профессиональным качествам элитария. Тем не менее, систему рекрутирования нельзя

назвать полностью хаотичной: она не лишена внутренних – хотя и конкурирующих – закономерностей.

Здесь мы представим лишь наиболее важные исторические факты, определившие динамику и связи элементов модели.

1990 – 1991 гг.: потеря КПСС кадрового контроля

Весной 1990 г. процессы департизации СССР и деэтизации КПСС стали очевидны. Совмещение должностей руководителей партийных и советских органов неумолимо вело к переходу решенческой функции от партийных органов к советским. Например: Горбачёв-президент СССР считал себя выше Горбачёва-генсека КПСС и фактически предлагал такое же понимание властной иерархии первым секретарям комитетов регионального уровня, практически повсеместно ставших председателями Советов. Одновременно происходила ликвидация / парализация партийных комитетов на предприятиях, учреждениях и организациях. Функции низовых парторганизаций по подбору кадров, следовательно, переходили в руки хозяйственников и иных руководителей. В результате таких преобразований был полностью разрушен партийный контроль над движением кадров. Карьеры людей и, следовательно, персональный состав элиты оказались вне поля влияния партии.

Почему стало возможным отеснить партию от столь важной функции? Механизмы партийного кадрового контроля были разрушены введением выборных процедур. Выборы на всех уровнях придали легитимность иным – не партийным – властным институтам. А победа Б.Н. Ельцина над кандидатом компартии Н.И. Рыжковым на президентских выборах 12 июня 1991 г. привела к полной дезорганизации аппарата КПСС. И Б.Н. Ельцин 23 июля 1991 г. издает указ о департизации («О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР»), лишаящий КП РСФСР возможности обладать имуществом и иметь первичные партийные организации. Можно было их иметь только по месту жительства.

1990-е – начало 2000 гг.: восхождение кланов

После падения номенклатуры новая система рекрутирования формировалась в значительной мере спонтанно: под влиянием быстро меняющихся факторов в условиях ослабления и даже полного отсутствия государственного влияния на движение кадров. Во время первого электорального цикла (1994–1996 гг.) выборы предоставляли множеству политических активистов (в том числе – оппозиционных) реальные – хотя и небольшие – шансы войти во власть. Однако основными бенефициарами ослабления госконтроля и введения выборных процедур оказались новые силы – криминал и бизнес. Интересы этих сил проникали в областные администрации – началось сращивание регионального чиновничества с бизнесом и криминалом. Возникли механизмы продажи должностей. Личные, союзнические отношения стали мощным политическим фактором.

В ходе второго электорального цикла (1998–2001 гг.) кланы консолидировались, укрепились во власти. Они часто получали поддержку силовиков, которые в 1990 г. и первой половине 2000 г. были представлены преимущественно верхушкой региональных подразделений МВД.

После избрания президентом В.В. Путина стартовала политика восстановления «вертикали власти». Эта политика с 2000 г. нанесла мощные удары по регионализму и региональным кланам. В начальный же период неформальные кланы даже немного усилили своё влияние, поскольку предоставляли федеральному центру полную электоральную поддержку в обмен на свободу рук в местных делах.

В это время достигла пика основная позднеельцинская тенденция – слияние политической элиты с экономической, дополненной легализовавшимся криминалитетом, и, как следствие, формирование на региональном уровне политико-финансовых конгломератов, претендующих на роль доминирующих акторов региональной политики и экономики.

Вторая половина 2000 гг. – 2010 гг.: региональные администрации, силовики и партия власти возвращают контроль

После 2004 г. кланы – как ельцинское наследие – стали одним из основных объектов давления со стороны федерального центра. В составе силовиков доминирование перешло к ФСБ. Новая партия власти – «Единая Россия» – получила значительную электоральную поддержку как союзник президента В.В. Путина. Федеральный центр, опираясь на силовиков и партию власти, приступил к ликвидации кланов, в том числе – и путём перекрытия их каналов в области рекрутирования административно-политической элиты. В этот же период выборы, которые сохранялись как механизм формирования legislatures, во многом перестали быть каналом рекрутирования административных кадров высшего звена. Это способствовало сокращению возможностей не только оппозиции, но и криминала и бизнеса. Решенческая функция была постепенно «выдернута» из рук местных кланов и оказалась у руководителей регионов, поставленных под контроль федерального центра. Они совместно с силовыми структурами должны исключить влияние неподконтрольных государству политических практик.

Давление на кланы имело и имеет множество проявлений, среди которых можно отметить неформальный запрет с 2007 г. на выдвижения в качестве кандидатов в депутаты Государственной думы и региональных legislatures людей с криминальным прошлым. Часть функций по проведению государственной кадровой политики была передана в руки ФСБ. В целом, произошло усиление контроля за региональными и локальными сообществами со стороны губернаторов и ФСБ.

Произошло и частичное перераспределение решенческой функции от региональных администраций в пользу партии власти. Тем не менее, в начале 2010 гг. влияние партии на выборы, а также на назначения не следует переоценивать. Региональный исполком «Единой России» определял лиц поддержки чаще всего лишь после того, как примет решение глава администрации области и центральное руководство партии.

«Единая Россия», хотя она, возможно, и стремилась к всеохватности КПСС и, отчасти, строилась по номенклатурным лекалам, тем не менее, разительно отличается от КПСС.

Во-первых, новая версия партийного кадрового контроля, не охватывая низовые звенья госаппарата, не смогла наладить реальные кадровые лифты для рекрутирования людей на стартовые позиции в госаппарат и муниципальное самоуправление. ЕР, в отличие от КПСС, не имеет развитой сети парткомов на предприятиях и организациях, которые могли бы заниматься подбором и расстановкой кадров.

Во-вторых, пытаясь контролировать формирование лишь верхушки региональной административно-политической элиты, партия существенно уступает (в сравнении с КПСС) во влиятельности главам региональных администраций, которые сами по себе являются партийными боссами и могут формировать политику партии в регионе.

В-третьих, партия не пытается (или не смогла) уничтожить прежнюю систему рекрутирования. Партийный контроль «привинчен» к уже сложившимся механизмам.

«Варяги» как постоянно действующий механизм

До и после крушения СССР на всех этапах политического развития России назначенцы из других регионов («варяги») были мощным инструментом кадровой политики Центра в регионах. В силу специфики этого инструмента он имеет ограниченное применение и может формировать лишь узкий слой высших региональных руководителей. С 2015 г. варяжский компонент в региональных элитах существенно усилился. Конкретные причины могли быть различными, но все они имеют общий смысл – обеспечение подконтрольности региональной административно-политической элиты Центру.

Исходные данные

Исходные данные для базового – реалистического – сценария были получены как экспертные оценки, сформированные Д.Г. Сельцером в результате обобщения литературы и источниковых сведений о системе рекрутирования элит по семи российским регионам.

Полная запись изменений влияния каждого актора и механизма доступна в Сети: <http://ineternum.ru/sdm1/>. В частности, представлены экспертные оценки (на вкладках «ёмкости», «механизмы», «гибридные механизмы», «акторы и связи акторов», «политика акторов»), а также нормированные величины, использованные в компьютерных экспериментах.

Как и зачем создаются альтернативные сценарии?

Базовый – реалистичный – сценарий был использован для верификации модели. Было установлено, что модель генерирует данные, совпадающие, в целом, с эмпирическими фактами. Модель, следовательно, вызывает доверие.

Базовый сценарий в дальнейшем модифицирован для получения альтернативных сценариев.

Компьютерные симуляции осуществлялись посредством внесения в исходные данные некоторых поправок, соответствующих тем или иным гипотетическим событиям. Например, можно ослабить или усилить влияние некоторого актора, отключить или включить некоторый механизм и т.п.

Такой подход даёт возможность сформулировать альтернативные сценарии «что было бы, если...» на основании некоторого математического аппарата, который, как это известно, адекватно описывает реальные процессы.

Для точного выявления состава элиты в каждый момент времени потребовалась бы ещё одна модель соразмерной сложности. Однако мы можем рассчитать на каждый год количество «новоприбывших» в состав элиты за предшествующий период, минимально необходимый для полного количественного обновления. Конечно, такой подход даёт лишь приблизительное представление о составе элиты, поскольку некоторые люди вполне могут «пересидеть» несколько циклов обновления. Тем не менее, подобное приближение является достаточно точным, чтобы обнаружить, как менялось соотношение групп внутри элиты.

Истоки и условия альтернативных сценариев

Помимо моделирования базового – реалистического – сценария, было проведено три серии экспериментов. Первая и вторая серии состояли из четырёх экспериментов каждая (1.1 – 1.4 и 2.1 – 2.4), третья серия – из одного эксперимента (3.1). В каждом эксперименте в модель вносились одна или несколько поправок при сохранении прочих условий реалистического сценария.

Сюжетные завязки всех рассмотренных ниже сценариев не являются фантазмагорическими, а соответствуют решенческим развилкам, которые были вполне реальными или, по меньшей мере, представлялись таковыми политологическому экспертному сообществу.

Первая серия включает сценарии радикального слома механизмов рекрутирования кадров и воплощение, в той или иной мере, идей образцового транзита.

Исходной точкой сценария 1.1. является гипотетическая люстрация административно-политической элиты на рубеже 1991–1992 гг. – в период построения властной вертикали Б.Н. Ельцина. Симуляция начиналась с 15 периода (конец 1991 г.), а начальные величины двух запасов (т.е. численный состав всех звеньев элиты) были установлены равными 1. Предшествующий период не рассматривался, поскольку система была полностью перезагружена.

Сценарий 1.2 возник из гипотетического – и в реальной политической повестке наиболее ожидаемого и вероятного – предположения, что «учредительные выборы» – «спусковой курок демократии» – не были пропущены новой Россией и сразу после распада СССР стали единственным и мощным механизмом установления элиты. Итак, мы предположили, что выборы как механизм элитного рекрутинга начали работать в 1991 г. на полную мощность (в 1,5 раза интенсивнее, нежели в базовом сценарии) – и в

дальнейшем влияние этого механизма на пополнение элиты не ослабевало (как это в действительности было во второй половине 1990-х – первой половине 2000 гг.).

Сценарий 1.3. предусматривает полный запрет на пополнение элиты из среды родственников и «знакомых» с 1991 г. Таковой запрет не представляется невозможным, если учесть, что в данный момент он фактически неукоснительно соблюдается при комплектовании судейского корпуса. В рамках третьего сценария отключаются механизмы «наследование 1» и «наследование 2».

Сценарии 1.1, 1.2 и 1.3 инициированы отдельными элементами, которые, объединяясь вместе в сценарии 1.4, формируют фабулу своего рода образцового демократического транзита для восточно-европейских стран. Здесь есть и учредительные выборы, и люстрация, и быстрый слом традиционных институтов. Затем следовал конкурентный выборный процесс, который подстёгивал быструю ротацию элит.

В 1991–1992 гг. подобного рода сценарии – как в частичном (1.1, 1.2 и 1.3), так и в полном (1.4) виде – обсуждались в окружении президента Б.Н. Ельцина. Поэтому попытки воплотить в жизнь подобные альтернативы были вполне возможны. Возвращение демократии и кадровые перестановки в регионах в режиме «шоковой терапии», безусловно, не представлялись в то время чем-то немислимым.

Вторая серия экспериментов описывает противоположный вариант развития событий – максимально мягкий эволюционный транзит. Этот вариант предполагает продолжение, насколько это было возможно, позднесоветских тенденций и процессов, а также сохранение (внешне декорированных) прежних институтов и норм.

Сценарий 2.1. предусматривает отказ от выборов как продуктивного механизма формирования элит. Действительно, в первые годы президентства Б.Н. Ельцина выборы глав регионов не проводились. Губернаторы назначались президентом. Такой принцип рассматривался как нормальный для тех условий: страна разваливалась, а федеральная власть не имела прочной поддержки со стороны местных элит. Однако легко предположить, что такой порядок мог сохраниться вплоть до сегодняшнего дня. Кроме того, в этом сценарии выборы региональных legislatures лишь в минимальной степени способствуют проникновению депутатов в состав административно-политической элиты (значимость этого механизма снижена на 90%).

В сценарии 2.2. новая российская власть, сформировавшаяся в 1991 г., сохранила вплоть до сегодняшнего дня некоторые старые номенклатурные практики. Это подразумевало, что партия власти с прежней силой, как и КПСС, занималась рекрутированием низших слоёв элиты (через механизм «отбор 4») из числа общественных активистов и способных сотрудников предприятий и организаций. Кроме того, администрации регионов вынуждены были сохранять пропускную способность механизма «отбор 3» (переход из низших и средних звеньев элиты в высшее звено) на советском уровне.

Сценарий 2.3 предполагает, что партия власти и администрации, как и в советский период, должны были препятствовать пополнению элиты из среды родственников и «знакомых». В значительной мере этот сценарий схож со сценарием 1.3.

Сценарий 2.4 является комплексным и включает в себя условия экспериментов 2.1, 2.2 и 2.3. Смысл такого подхода к реформированию административно-политической системы в начале 1990 гг. был весьма прост: «Оставляем всё как есть, только с другими людьми». Подобные решения представлялись современникам и окружению президента Б.Н. Ельцина вполне естественными и требовали минимальных реформаторских усилий.

Третья серия, состоящая из одного сценария, симулирует решенческую развилку, возникшую в начале президентства В.В. Путина. Сценарий 3.1 воспроизводит ситуацию, которая возникла бы, если В.В. Путин оставил «всё так, как было при Ельцине». В этом сценарии (1) продуктивность выборов как механизма формирования элит не сокращается после 2004 г., а остаётся на уровне начала 2000 гг., (2) общее влияние силовиков на региональную административно-политическую систему остаётся на уровне начала

- 2000 гг. (3), силовики не переходят к политике противодействия неформальным кланам, (4) общее влияние кланов в регионах остаётся максимальным – на уровне начала 2000 гг., (5) не ликвидируются механизмы продажи должностей выходцам из криминальной среды, (6) не вводится прямой запрет на продвижение криминалитета во власть.

Результаты

В экспериментах были получены данные о величинах потоков для каждого полугодия в течение моделируемого периода. Это позволило отследить, какое количество людей пополняло элиту через разные механизмы из разных социальных резервуаров. На основании этих данных мы рассчитали, какое количество «новичков» вошло в состав элиты по состоянию на каждое полугодие. Для каждого конкретного полугодия была также рассчитана длина предшествующего периода, в течение которого в элиту вошло количество людей, равное общему количеству элиты на данное полугодие. Это период, минимально необходимый для полного количественного обновления. Таким образом, были получены сведения о том, какое количество «новичков» и из каких социальных резервуаров вошло в состав элиты в течение минимального периода обновления. Это позволяет точно оценить соотношение разных источников пополнения элиты и приблизительно представить состав элиты по состоянию на каждое полугодие. Эти данные были использованы для составления рис. 2–5.

Модели в формате Powersim для каждого сценария и полные результаты экспериментов (включая графики всех потоков) доступны в Сети: <http://ineternum.ru/sdm1/>. В последующих разделах представлены результаты – в кратком виде и их интерпретации для каждого сценария.

Базовый сценарий

В базовом – реалистическом – сценарии можно выделить три фазы эволюции высшего звена элиты (рис. 2).

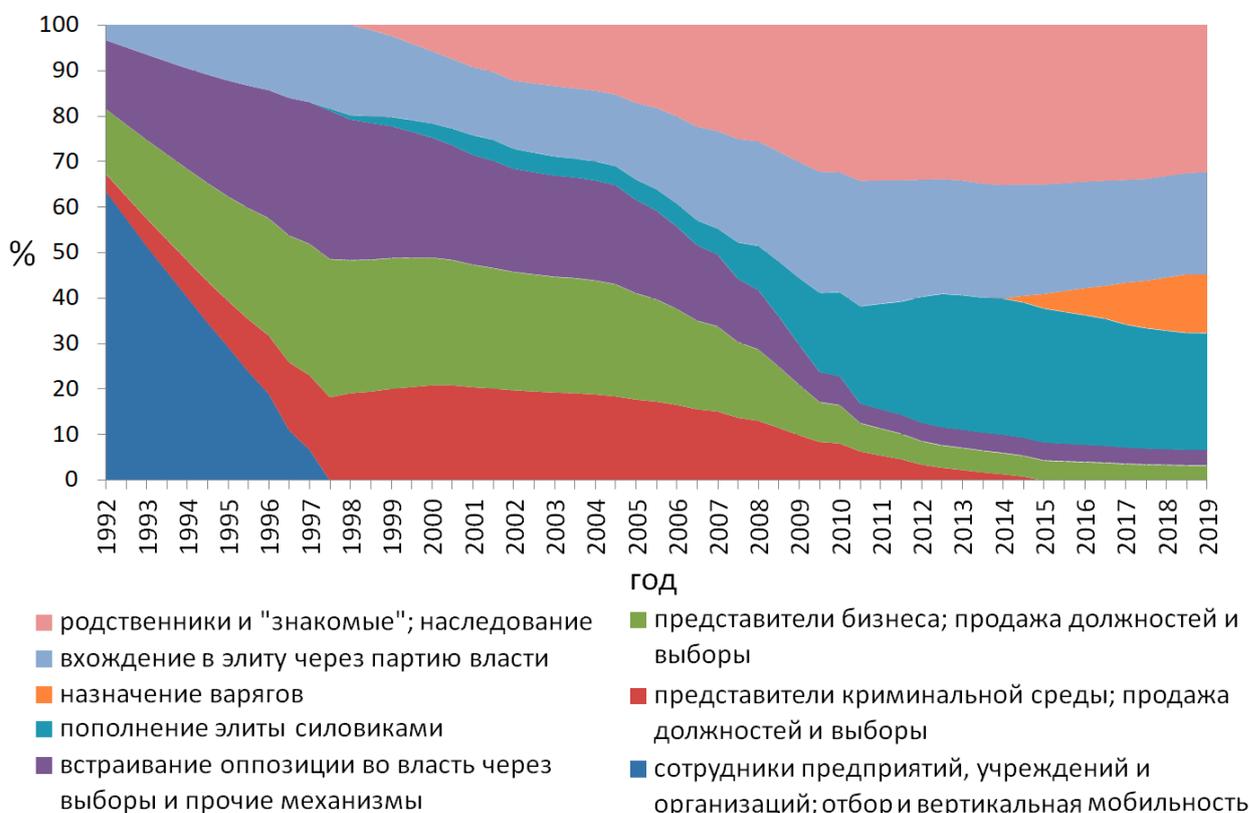

Рис. 2. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, базовый сценарий

На границах между этими фазами заметны две качественные скоротечные трансформации, в ходе которых тенденции менялись скачкообразно. Внутри фаз можно наблюдать относительно гладкие количественные изменения.

1. До начала 1998 г. имело место быстрое вымывание «старых кадров» (прежних номенклатурных работников и выдвиженцев перестройки), которые ранее составляли абсолютное большинство. В течение этой фазы «старые кадры» заменялись представителями криминала, бизнеса и оппозиции, которые в совокупности достигли численного доминирования.

2. 1998–2009 гг. характеризуются доминированием, но, в то же время, постепенным снижением долей прежних лидеров (криминала, бизнеса, оппозиции). В 2004–2009 гг. происходит обвальное падение их влияния и, соответственно, качественная трансформация элиты. Однако в начале второй фазы упомянутые тенденции разворачивались медленно. Первым кандидатом «на выход» оказалась оппозиция, доля которой с 1998 г. начала неуклонно и быстро падать. Доля бизнеса, если и сокращалась, то весьма медленно. Доля криминала после 1998 г. даже несколько возросла, но затем с 2001 г. тоже стала падать: сначала медленно, а с 2004 г. – скоротечно.

Представители криминальной среды оказались практически вытеснены из высшего звена элиты к 2019 г. Дело в том, что такой среды в основном уже нет: среда перетекла в бизнес. Да и высшее звено обновляется довольно быстро, вследствие того, что существует множество акторов и механизмов, активно продвигающих своих ставленников на позиции в высшем звене. Здесь существенно более напряжённая, нежели в низшем и среднем звеньях, конкуренция за административно-политическую позицию. К 2011 г. механизмы пополнения высшего звена из криминальной среды были окончательно отключены государством – и с того времени состав успел существенно обновиться.

Кем же замещались ослабленные потоки из бизнеса, криминала и оппозиции? Казалось бы, на смену им должны были идти выдвиженцы партии власти и силовики. Но они расширяли своё влияние медленно: этот процесс стал заметен лишь к самому концу второй фазы. Очевидно, механизмы пополнения элиты из этих двух провластных резервуаров оказались недостаточно развитыми и проигрывали в конкурентной борьбе мощному механизму, который стал наиболее действенным поставщиком элитариев в тот период. Это традиционалистские институты «наследования».

Заметим, что во всех звеньях элиты велика роль выходцев из социального резервуара, который мы условно назвали родственниками и «знакомыми». Это, в сущности, люди, которые получили элитные позиции, постольку состояли в разного рода личных отношениях с представителями уже существующей элиты. Механизм рекрутирования таких людей мы обозначили как «наследование». Это, конечно, также условное название. Однако оно, как представляется, указывает на сущность описываемого явления. Рекрутирование элиты на основании личных связей порождено естественным стремлением элиты как социальной группы к замыканию, к наследованию и воспроизводству в поколениях своего статуса. Это классическая тенденция превращения элиты в сословие.

Борьбой государства за оздоровление элиты в полной мере воспользовались не провластные силы, а именно традиционалистские институты, которые очень быстро возродились и отобилизовались.

2. В 2010–2011 гг. произошла ещё одна качественная трансформация – тенденции вновь изменились скачкообразно, что послужило началом третьей – современной – фазы. Федеральная власть решительно расширяет долю провластных элитариев за счёт сверхбыстрого роста числа силовиков и варягов. Доля выдвиженцев от партии власти сохраняется на уровне второй фазы. Возможно, повышать их влияние в элите государство считает нецелесообразным?

За счёт кого расширяются позиции этих когорт? За счёт добывания остатков криминала и очередного сокращения представительства бизнеса. Но, как ни странно, доля «родственников» фактически сохраняется. Это традиционалистский сегмент элиты, являющийся питательной средой для наиболее подрывных властных практик и инициатором общественного недовольства – и этот сегмент сохраняется незатронутым. Удар государства приходится по старым, – в общем-то, уже ослабленным – конкурентам. Почему?

Во-первых, можно предположить, что имеет место понимание того факта, что «родственники» не представляют прямой и сиюминутной угрозы государству, всегда являясь лояльными сегментами элиты. С другой стороны, самоочевидным является и утверждение, что опосредованная и долгосрочная угроза традиционалистских институтов катастрофически велика. Этот сегмент делегитимирует элиты, разлагает их, способствуя замыканию, депрофессионализации и коррупции.

Во-вторых, следует отметить, что в современных условиях этот социальный слой в элите хорошо мимикрирует. «Родственники» могут казаться технократами или партийцами, представителями бизнеса или бюджетниками. Такая мимикрия не меняет социальной сущности явления.

Из низшего и среднего звеньев – вследствие медленных темпов обновления – «старые кадры» вымывались довольно медленно – до 1998 г. (рис. 3).

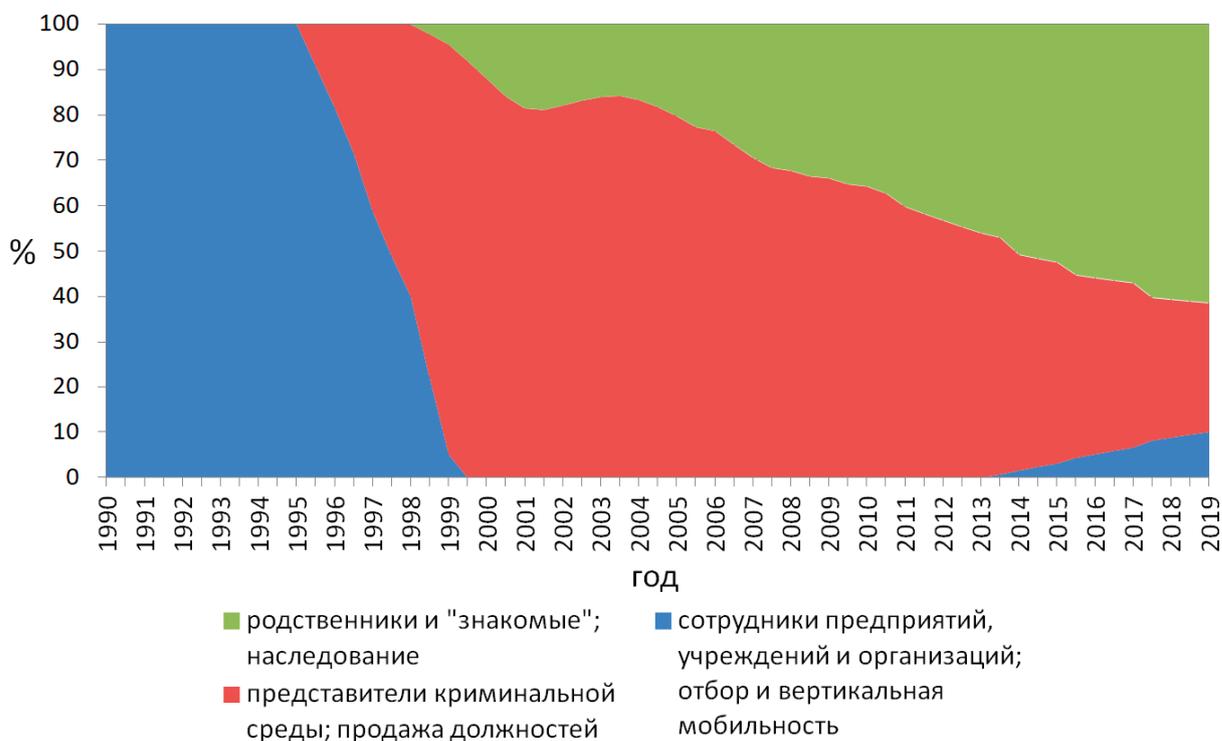

Рис. 3. Состав «новоприбывших» в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, базовый сценарий

Затем произошёл довольно быстрый обвал их численности: они были практически полностью замещены выходцами из криминальной среды. Ведь прежние механизмы отбора были уничтожены вместе с номенклатурной системой, а из новых механизмов сформировался и быстро начал работать только механизм продажи должностей.

Далее – с начала 2000-х вплоть до 2014 г. – происходило постепенное сокращение доли криминала в пользу «родственников». И лишь с 2014 г. был запущен механизм отбора – в среднем звене стали появляться варяги (из числа местных деятелей, перемещённых в другие районы или другие ведомства); а в низшее звено наметился приток активной

молодёжи при поддержке государственных программ карьерного роста и мобильности. Однако эти механизмы пока не успели насытить элиту активными и талантливыми выходцами из других социальных сред – теми, кого в советский период называли «выдвиженцами из числа сотрудников предприятий, организаций и учреждений».

Таким образом, низшее и среднее звенья, после того как была демонтирована советская система подбора кадров, оказались заполнены представителями криминальной среды, а также родственниками и «знакомыми». Эти звенья обновляются медленнее, поскольку они численно велики и, кроме того, существенно меньше акторов стремятся «продвинуть своих людей» на нерешенческие позиции. Медленное обновление обусловило сохранение в этой части элиты значительного числа представителей криминала.

Первая серия экспериментов

Сценарий 1.1: люстрация

Первый альтернативный сценарий исходит из гипотетической люстрации региональной административно-политической элиты на рубеже 1991–1992 гг. В этой симуляции все входные данные оставались точно такими, как в базовом сценарии, но симуляция начиналась с 15 периода (конец 1991 г.), а начальные величины двух запасов (т.е. численный состав всех звеньев элиты) были равны 1.

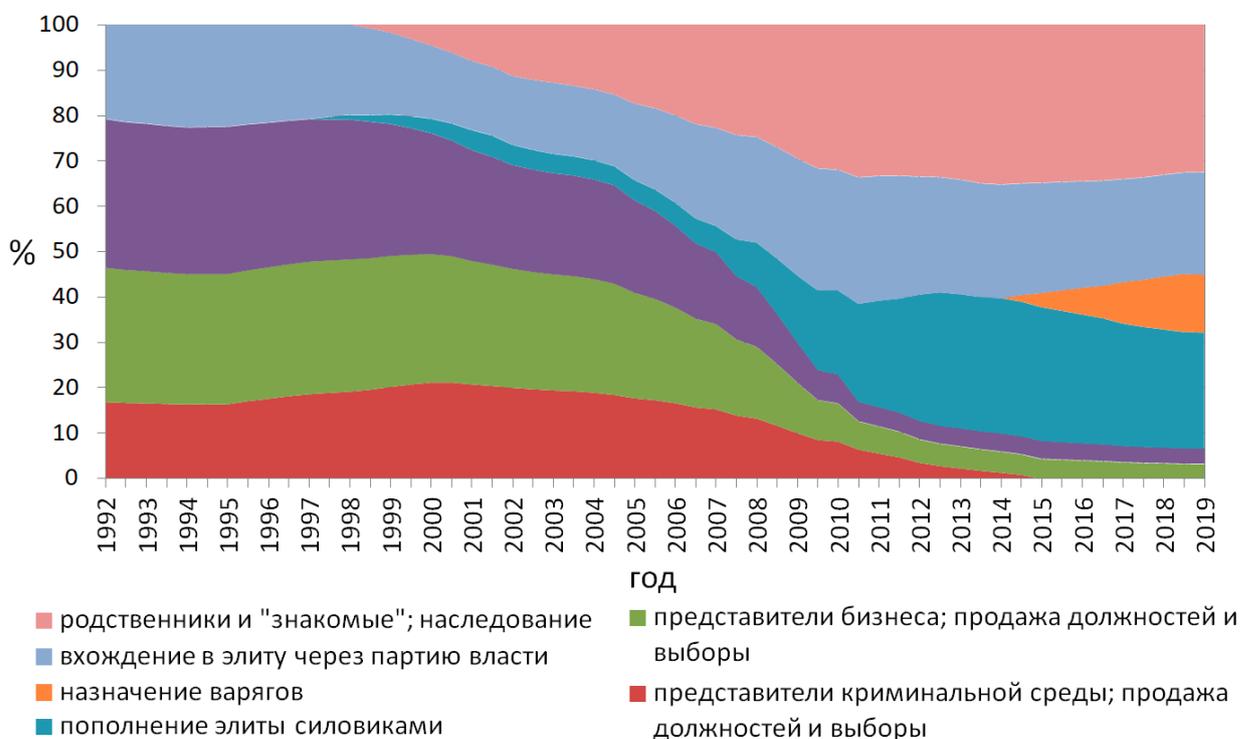

Рис. 4. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.1 «Люстрация»

Состав высшего звена оказался в альтернативном 2019 г. приблизительно таким же, как и в реалистичном базовом сценарии (рис. 4). Эта часть элиты быстро обновляется и имеет множество источников пополнения. Результаты люстрации просто стёрлись.

Тенденции второй фазы оказались просто интерполированы в прошлое: криминал, бизнес и оппозиция достигли численного доминирования сразу же – в 1992 г.: им не потребовалось тратить время, чтобы вытеснить старые кадры.

Заметим, что доля оппозиции в этом альтернативном сценарии на пике влияния оппозиции не была больше, чем в реалистичном сценарии (чуть более 32% в обоих

случаях). Хотя в реалистичном сценарии оппозиция достигла пика к 1998 г., а в альтернативном – сразу же в 1992 г.

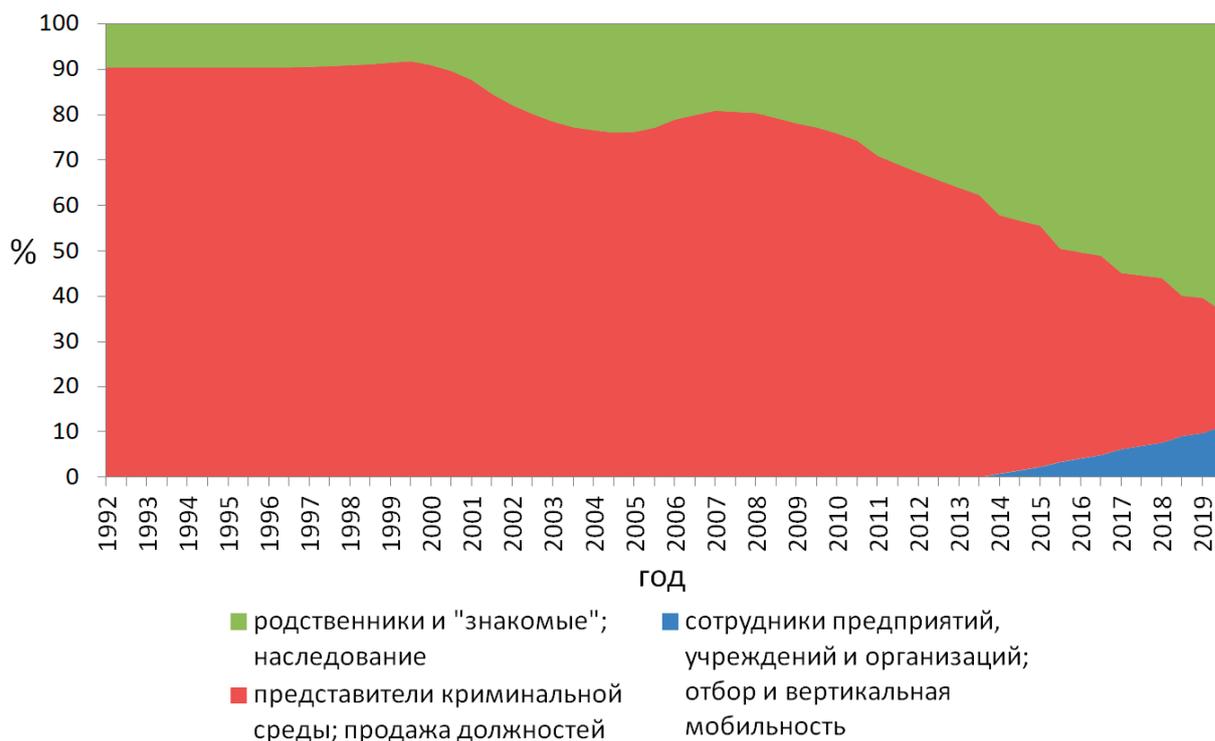

Рис. 5. Состав «новоприбывших» в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.1 «Люстрация»

Для среднего и низшего звеньев элиты последствия люстрации оказались крайне негативными и очень длительными.

Диаграмма на рис. 5 свидетельствует, что качественный состав элиты не существенно лучше, чем в реалистичном сценарии. График на рис. 6 свидетельствует, что элита пережила существенный всплеск численности (до 500 чел.) и столь же существенное снижение численности (почти до 100 чел.).

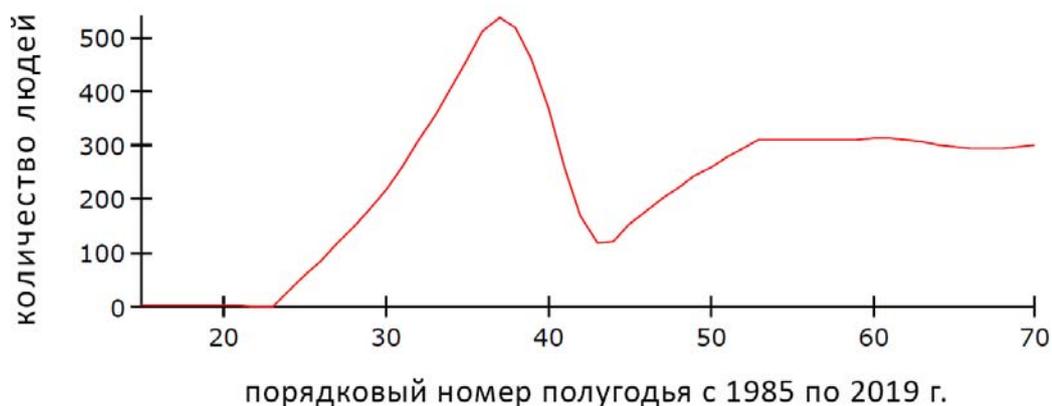

Рис. 6. Динамика численности среднего и низшего звеньев элиты, сценарий 1.1 «Люстрация»

Конечно, в реальности такие всплески и снижения, очевидно, должны были корректироваться в ручном режиме. Однако модель показывает, что в автоматическом режиме механизмы рекрутирования элиты должны быть разбалансированы: они то

перенасыщают элиту, то создают грандиозный дефицит кадров. Безотносительно к возможностям ручной корректировки, такой характер работы механизмов рекрутирования означает, что в составе элиты возникают разрывы поколений и, соответственно, разрывы управленческих практик. Элита слишком быстро насыщается людьми, что вызывает эффект общей деквалификации. Быстрый сброс численности (например, уход многочисленных одновозрастных когорт) вызывает тот же эффект.

Рассмотрим, как возникла такая динамика. Люстрация была проведена в условиях, когда механизм подбора кадров из «сотрудников учреждений, организаций и предприятий» отключился. Ведь исчез актер, который приводил этот механизм в действие, – обком (реском), райкомы и горкомы КПСС.

Механизм пополнения элиты родственниками и «знакомыми» не мог включиться сразу – для его заметной работы требовалось, чтобы элита была наполнена некоторым количеством людей.

Единственным действенным механизмом, который мог бы быстро восполнить колоссальный дефицит кадров после люстрации, была продажа должностей представителям криминальной среды. Даже если учесть, что в тот момент элитный вакуум мог бы втянуть и массу случайных людей (например, бюджетников), это лишь незначительно изменило бы общую картину. После значительного всплеска потоков через механизм «продажа должностей 2», с некоторым запозданием начинает работать механизм самовоспроизводства элиты – пополнение из числа родственников и «знакомых». Но это были родственники и «знакомые» тех людей, которые вошли в элиту с первой волной после люстрации. Возникла ситуация, когда, в сущности, две основные категории – родственники и криминал – мало отличались друг от друга.

Механизмы быстрого пополнения элиты должны были работать очень быстро из-за критического недостатка кадров. Инерция этих механизмов и привела к переполнению элиты, а затем – чрезмерному сбросу численности в результате петли обратной связи с задержкой. В реальности, такая ситуация могла означать, что от огромной части прибывших в элиту с ранними волнами пришлось избавляться (из-за возраста и низкой квалификации). Фактически, через 18–20 лет наспех сформированная элита вновь прошла через своеобразную люстрацию (рис. 6). Но уже без каких-либо политических мотивов и централизованных решений – просто в силу действия автоматических механизмов рекрутирования.

Подводя итог анализу второго альтернативного сценария, отметим, что любые эффекты от люстрации в высшем звене элиты обнулились уже через 9 лет; а на низшее и среднее звенья люстрация оказала катастрофическое воздействие длиной, как минимум, в 25 лет.

Учитывая, что верхние уровни управленческой иерархии функционально связаны с низшими, такая динамика должна была приводить к фатальному падению качества всей элиты.

Принципиальный порок альтернативного сценария 1.1 заключается в том, что люстрация, будучи лишь простым изменением численности запаса, никак не изменила структуру, в которой рекрутировалась элита. Иначе говоря, негативные механизмы (например, продажа должностей) не были отключены заблаговременно, а новые – гипотетически позитивные – механизмы не созданы. Не сформировались также актеры, которые имели бы интерес и возможность приводить в действие таковые новые механизмы.

Сценарий 1.2. форсирование выборов

Сценарий, предполагающий, что выборы стали и оставались важнейшим механизмом пополнения элиты, оказался связан со значительными изменениям в эволюции высшего звена (рис. 7).

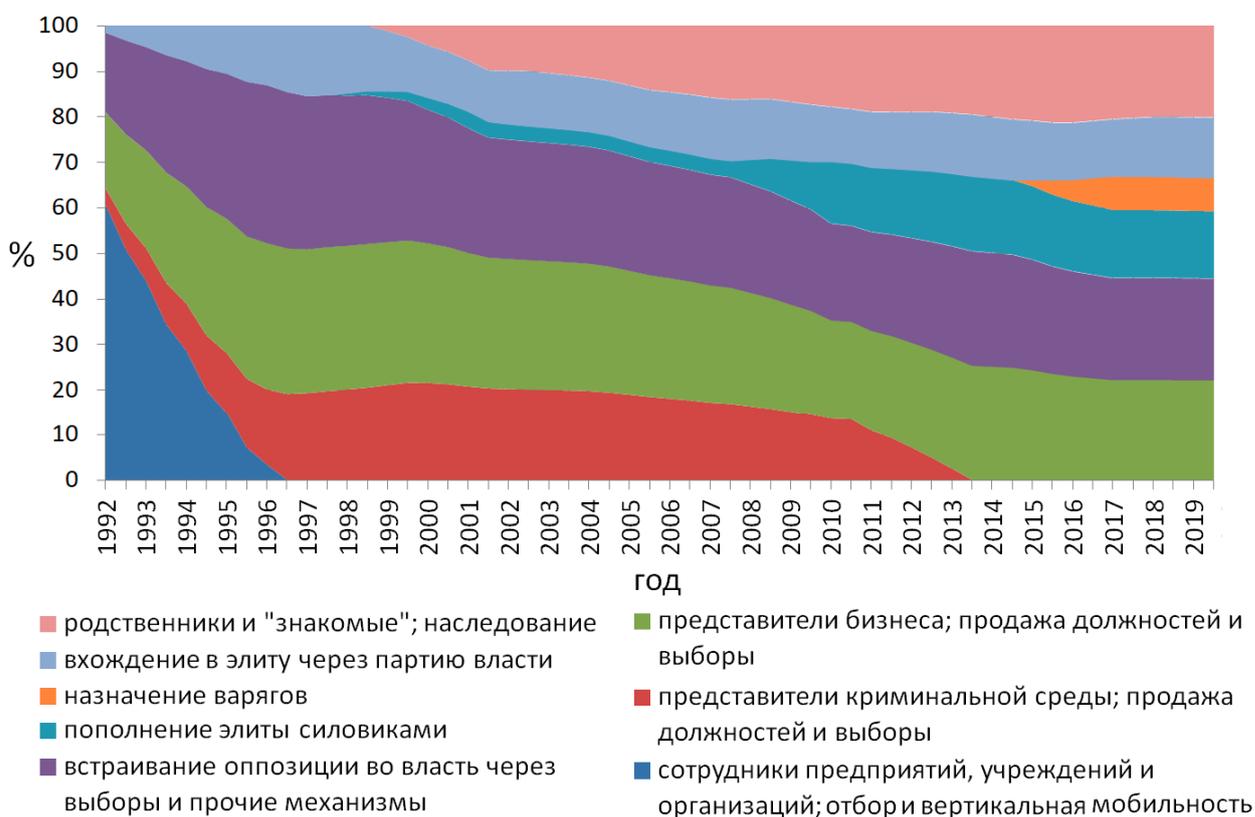

Рис. 7. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.2 «Форсирование выборов»

Обращает на себя внимание более высокий темп ротации элиты в альтернативном сценарии. Это легко объяснимо: конкурентные выборы формируют огромную массу кандидатов на вхождение в элиту. Эта масса давит на механизмы элитозамещения. Каждый выборный цикл несёт обновление персонального состава, даже если в этом нет административной и организационной целесообразности: просто действует принцип «ты посидел на хорошем месте – дай другим посидеть».

«Старые кадры» вымываются во втором сценарии несколько быстрее – приблизительно к 1996 г. вместо, напомним, 1998 г.

Главное отличие альтернативного сценария в том, что качественный перелом в эволюции состава элиты в 2004–2009 гг. в виртуальной реальности не состоялся. Тенденции, которые были форсированы в эти годы в реалистичном сценарии (пришествие силовиков, рост количества выдвиженцев от партии власти и сокращение числа бизнесменов), имели место и в альтернативном сценарии, но разворачивались эти тенденции крайне медленно. В результате к альтернативному 2019 г. силовики и выдвиженцы партии власти составили меньшинство (даже вместе с варягами). «Родственников» в элите скопилось хотя и меньше, чем в реальности, но на одном уровне с силовиками.

Двумя крупнейшими фракциями элиты, которые совместно заняли немногим менее 50% позиций, оставались оппозиционеры и представители бизнеса.

В рамках альтернативного сценария мы сохранили противодействие государства криминалу, что практически свело на нет приток в высшее звено его представителей. Однако в реальности следует предположить, что сохранение значимости выборов и, следовательно, влияния оппозиции на формирование элиты оставляло бы лазейки для проникновения в элиту криминала.

Таким образом, сокращение значимости выборов, которое имело место в реальности с 2004 г., сыграло ключевую роль в быстром изменении персонального состава элиты,

которое мы можем наблюдать в третьей – современной – фазе реалистичного сценария. Занижение роли выборов при формировании элиты позволило отсеять от каналов элитного рекрутинга оппозицию, а также, в некоторой мере, бизнес и, в значительной мере, криминал. Элита наполнялась в реалистичном сценарии из более лояльных сред. Это нельзя не считать стабилизирующим фактором.

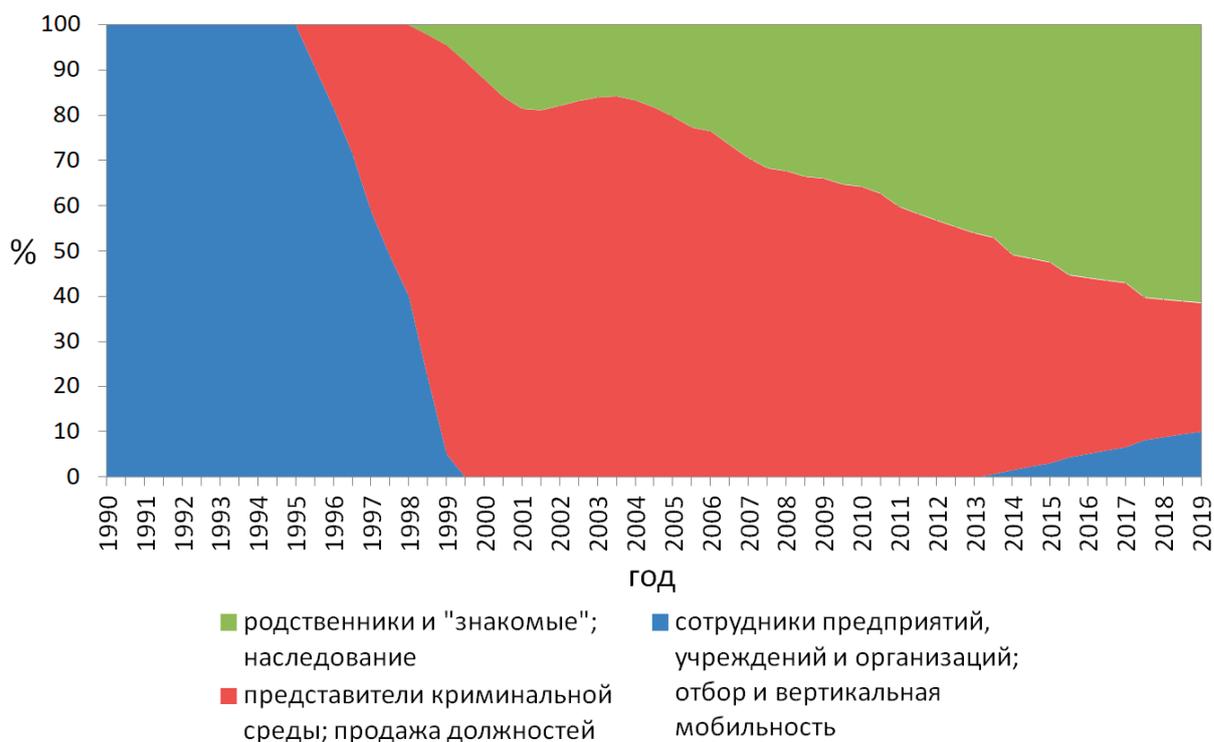

Рис. 8. Состав «новоприбывших» в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.2 «Форсирование выборов»

На состояние и эволюцию элиты низшего и среднего звеньев второй альтернативный сценарий не оказал никакого влияния, поскольку выборы не являются в модели механизмом рекрутирования этих звеньев (рис. 8).

Сценарий 1.3: запрет традиционалистских институтов

В третьем сценарии – запрет на занятие должностей родственниками – позиции родственников разделили между собой силовики и партийцы, но это изменение стало заметно только в третьей фазе (рис. 9). Безусловно, избавление элиты от родственников должно было существенно повысить её качество.

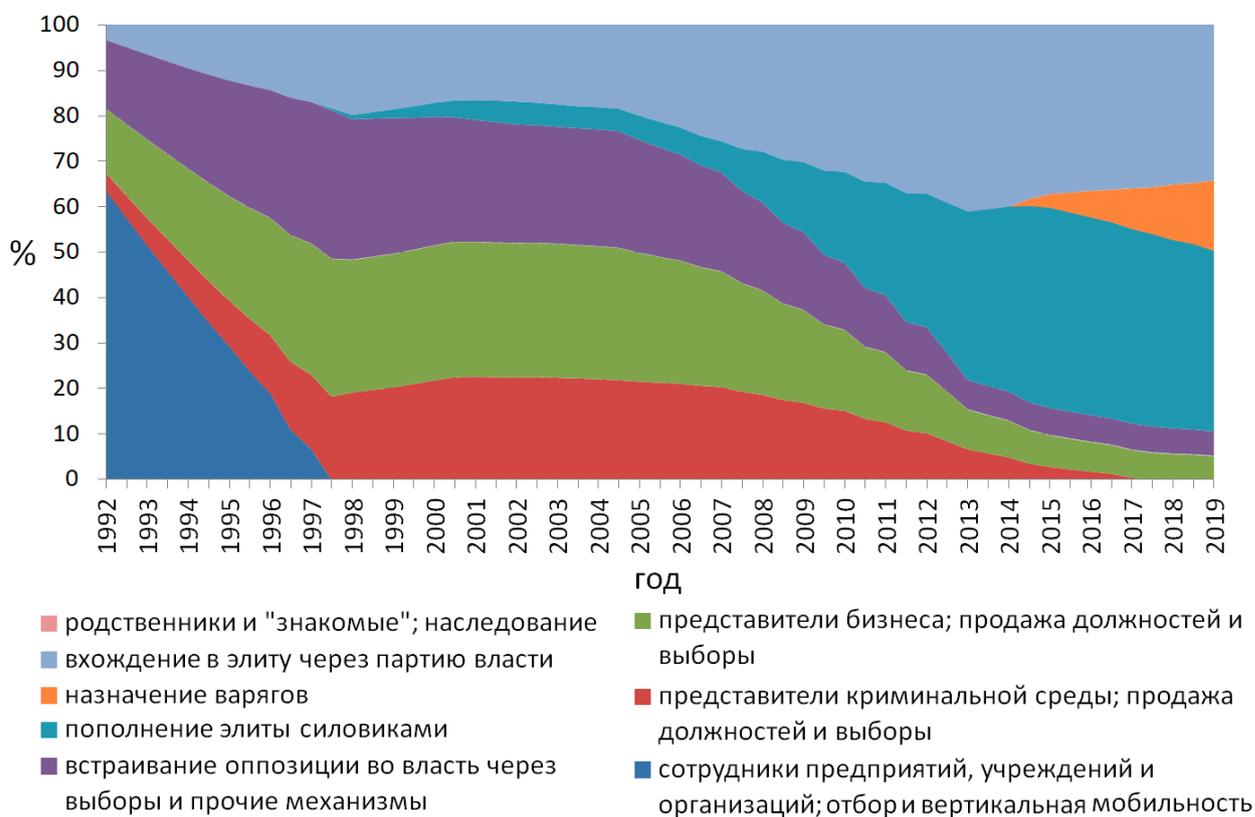

Рис. 9. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.3 «Запрет традиционалистских институтов»

А вот в среднем и низшем звеньях вследствие такого гипотетического запрета сложилась катастрофическая ситуация.

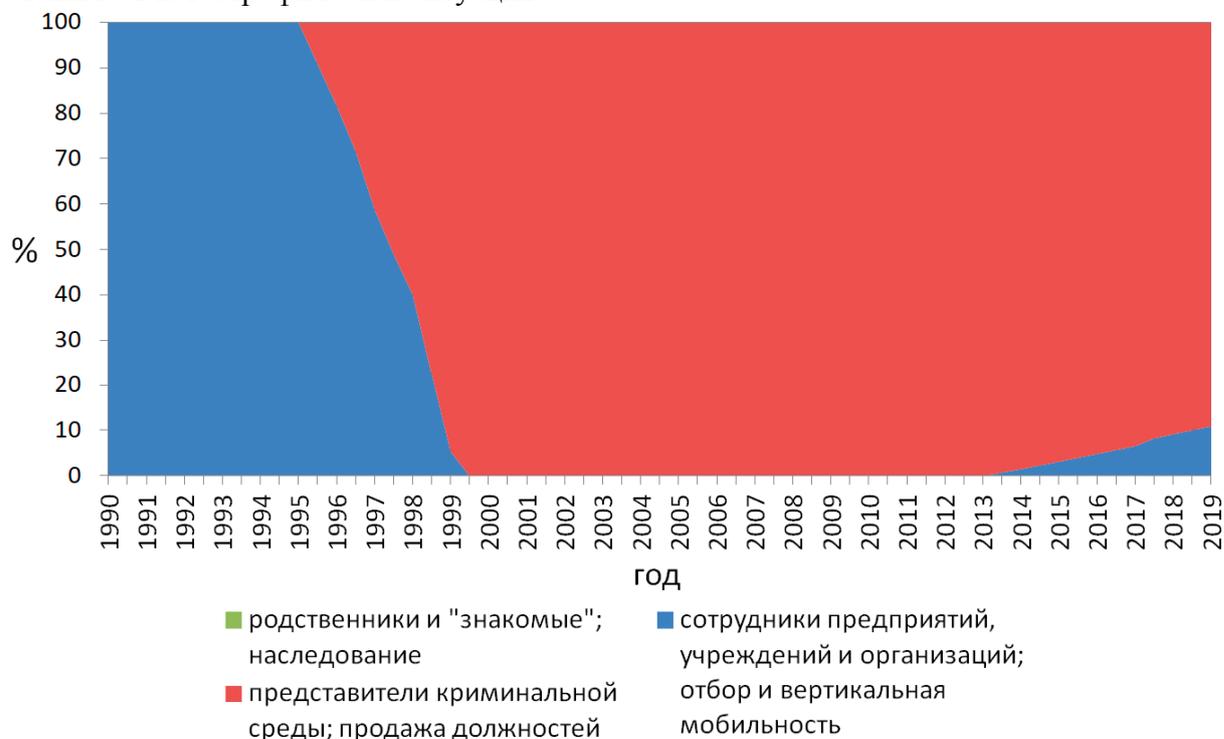

Рис. 10. Состав «новоприбывших» в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.3 «Запрет традиционалистских институтов»

Для этих звеньев, в соответствии с условиями эксперимента, кроме механизмов «наследования» длительное время не было иных механизмов пополнения, кроме продажи должностей криминалу. Поэтому родственники в этой альтернативе не вытеснили его ставленников. Кроме того, значительные колебания численности этого запаса указывают, что низшие звенья элиты регулярно испытывали огромный дефицит кадров, что должно было втягивать на соответствующие позиции огромную массу в прямом смысле слова случайных людей. Напрямую этот маргинальный механизм не отображён в модели, но о его существовании в альтернативных реальностях можно судить по косвенным признакам.

Конечно, механизм наследования следует рассматривать как архаичный, и, в сущности, подрывной. Но, как оказалось, невозможно убрать из низшего звена этот механизм, не создав нового. Иначе систему ожидает неминуемый кадровый вакуум.

В целом, к альтернативному 2019 г. можно наблюдать удивительную ситуацию: силовики, партийцы и варяги, в совокупности доминирующие в высшей элите, управляют средним и низшим административными звеньями, которые почти полностью состоят из «лиц, связанных с криминалом» и совершенно случайных людей.

Это один самых странных сценариев, который характеризуется явно несбалансированным раскладом сил в элите и, весьма вероятно, сильными внутризэлитными конфликтами и административным параличом. Заметим также, что подобный социальный облик всех звеньев элиты, скорее всего, должен был способствовать отторжению элиты населением.

Комплексный сценарий 1.4: образцовый транзит

Результаты сценария 1.4. для высшего звена подталкивают нас к выводу: если бы власть попыталась реализовать этот образцовый восточно-европейский транзит, то, скорее всего, она прекратила бы своё существование в регионах в прежнем формате.

Даже, учитывая, что борьба с криминалом сохранилась в этом сценарии, и выходцы из соответствующей среды были вымыты из элиты к 2014 г., бизнес и оппозиция имели устойчивое большинство (рис. 11).

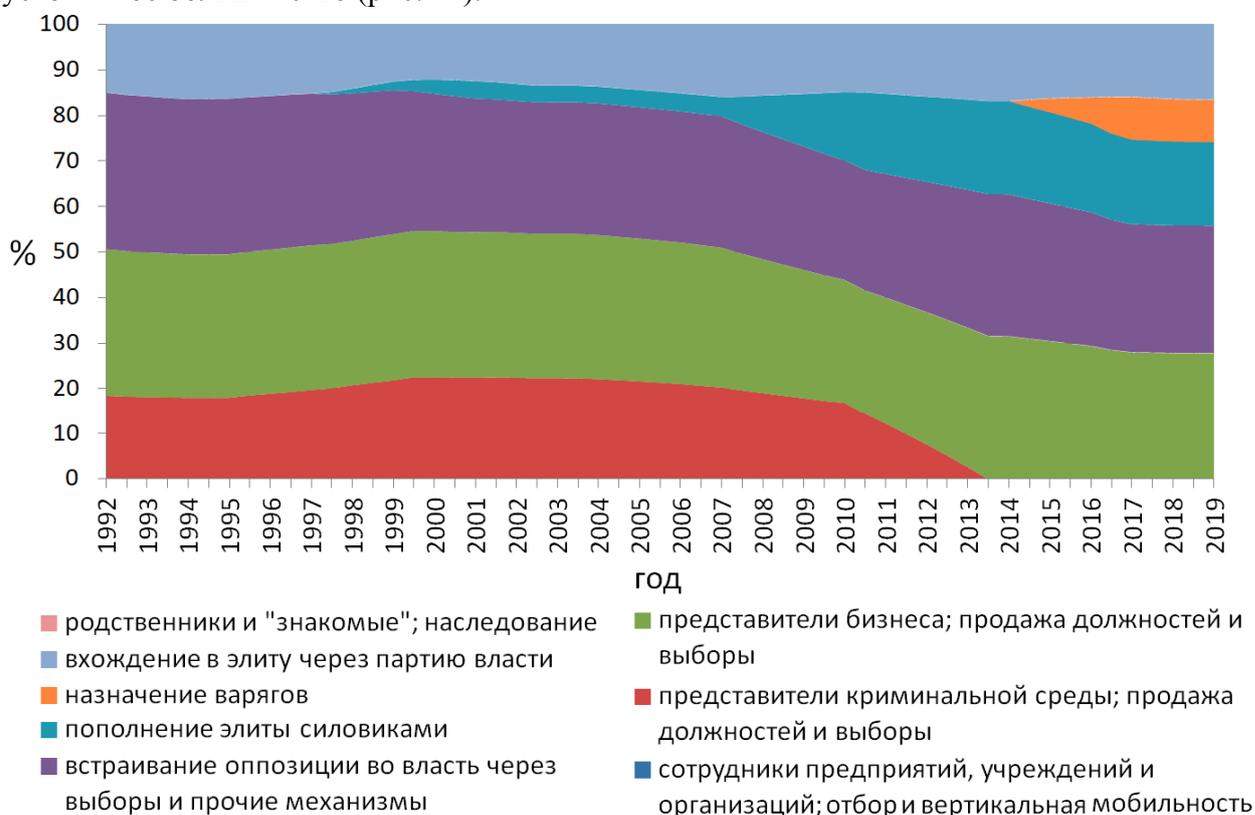

Рис. 11. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.4 «Образцовый транзит»

Пополнение элиты силовиками и варягами происходило крайне медленно и поздно (например, влияние силовиков стало сколько-либо заметным только с 2007–2010 гг.). После короткого периода расширения доли силовиков (до 20,5%), с 2014 г. их представительство в элите медленно сокращается. Выдвиженцы партии власти в течение всего моделируемого периода оставались относительно немногочисленными, причём, с явной тенденцией к сокращению.

Провластные силы в высшем звене оказались в устойчивом меньшинстве и не имели ближайших перспектив превратиться в большинство. Более того, на альтернативном современном этапе они медленно уступают свои позиции (рис. 11).

Рис. 12. Состав «новоприбывших» в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.4 «Образцовый транзит»

Низшее звено оказалось практически полностью заполнено выходцами из криминальной среды.

Бизнес, криминал и оппозиция в этом сценарии определяли бы облик элит.

Вторая серия экспериментов

Сценарий 2.1: частичный отказ от выборов

В рамках этого сценария выборы, в значительной мере, перестали быть механизмом пополнения элиты, а депутатский статус не способствовал приобретению решенческих позиций в административном аппарате.

Поскольку общая продуктивность механизмов пополнения высшего звена элиты была снижена, побочным эффектом этого сценария является медленное вымывание из элиты старых кадров. В реалистичном сценарии этот процесс завершается в 1998 г., а в сценарии 2.1 – в 2004 г. (рис. 13). В целом, скорость ротации элит несколько уменьшается.

Механизмы наполнения элиты родственниками и партийцами за неимением конкуренции со стороны выборных механизмов изначально оказываются очень сильными. В результате эти две группы численно доминируют на несколько лет раньше.

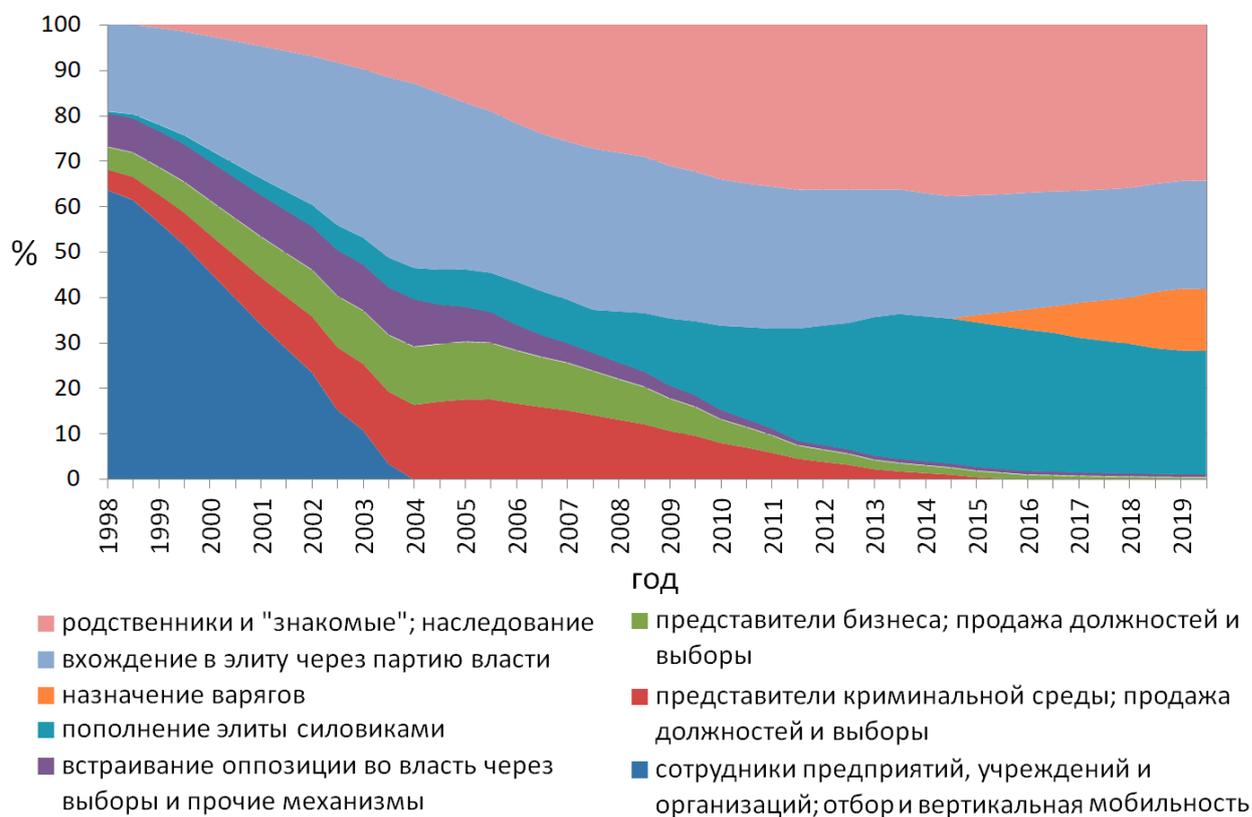

Рис. 13. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 2.1 «Частичный отказ от выборов»

Итоги альтернативного сценария к 2019 г. практически ничем не отличаются от итогов реалистичного сценария. Однако состав элиты в течение альтернативных 1994–2007 гг. принципиально отличается. В реалистичном сценарии в это время три группы – криминал, бизнес и оппозиция – в совокупности занимали более 50% позиций в элите. В альтернативном же сценарии доля этих же групп составляет от 17 до 38%.

Таким образом, в сценарии 2.1 никогда не возникала угроза масштабной криминализации и потери управляемости региональных элит.

Состав низшего и среднего звеньев элиты в сценарии 2.1 ничем не отличается от базового сценария (рис. 3).

В целом, с точки зрения федеральной власти, это более спокойный вариант, но к 2019 г. он генерирует те же проблемы, что и реалистичный сценарий.

Сценарий 2.2: сохранение номенклатурных механизмов

На состав низшего и среднего звеньев элиты наиболее благоприятное влияние могло бы оказать сохранение советских социальных лифтов, позволяющих талантливым и энергичным выходцам «снизу» проникать в элиту и пониматься вверх (рис. 14).

В сценарии 2.2 доля родственников в составе элиты является относительно невысокой и не имеет тенденции к росту. Выходцы их криминальной среды преобладают лишь с 1998 по 2006 г. Это связано с тем, что после ухода старых советских кадров механизмы продажи должностей сработали быстрее, чем механизмы отбора. Однако с 2004 г. под влиянием государственной политики по декриминализации, доля криминала в низшем и среднем звеньях быстро приближается к нулю.

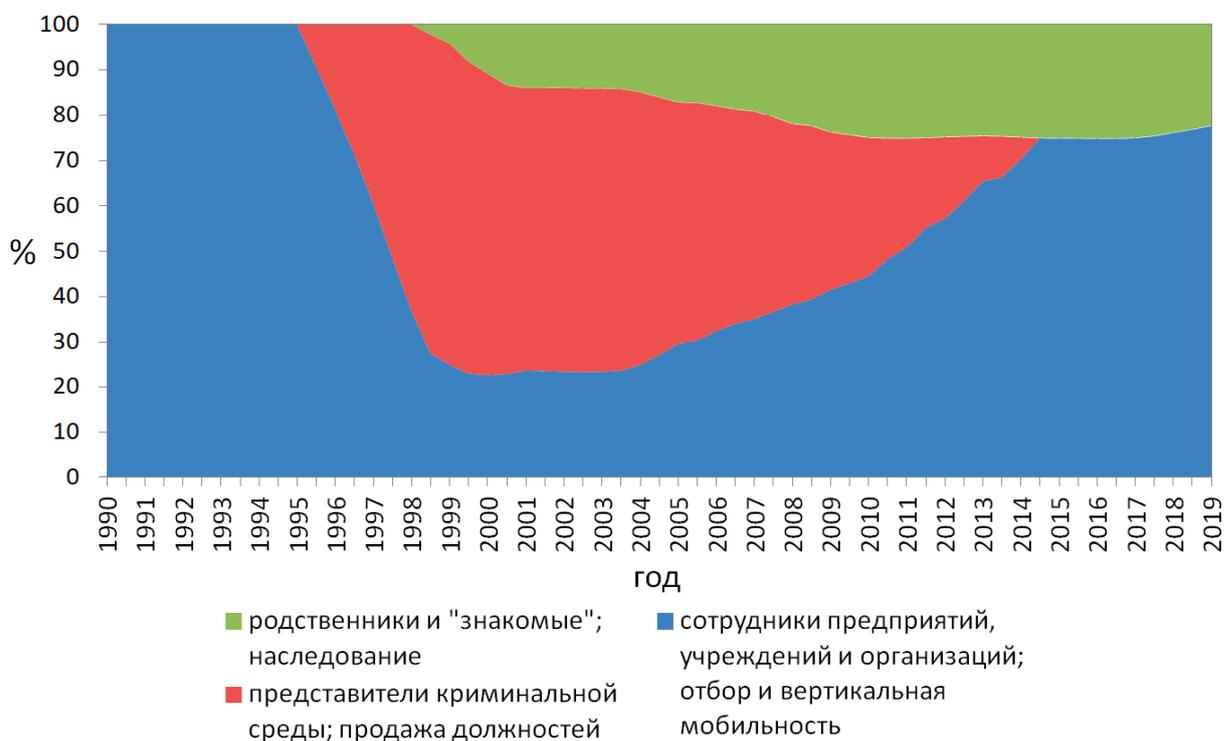

Рис. 14. Состав «новоприбывших» в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 2.2 «Сохранение номенклатурных механизмов»

Альтернативная динамика высшего звена элиты (рис. 15) отличается от реалистичного сценария только тем, что в ней всегда наличествует относительно многочисленная (15–20%) группа карьерных администраторов. Это люди, прошедшие через механизмы отбора. Их успех является в глазах населения свидетельством действенности принципов социальной справедливости. Безусловно, наличие такой группы благотворно влияет на качество элиты и на её легитимность.

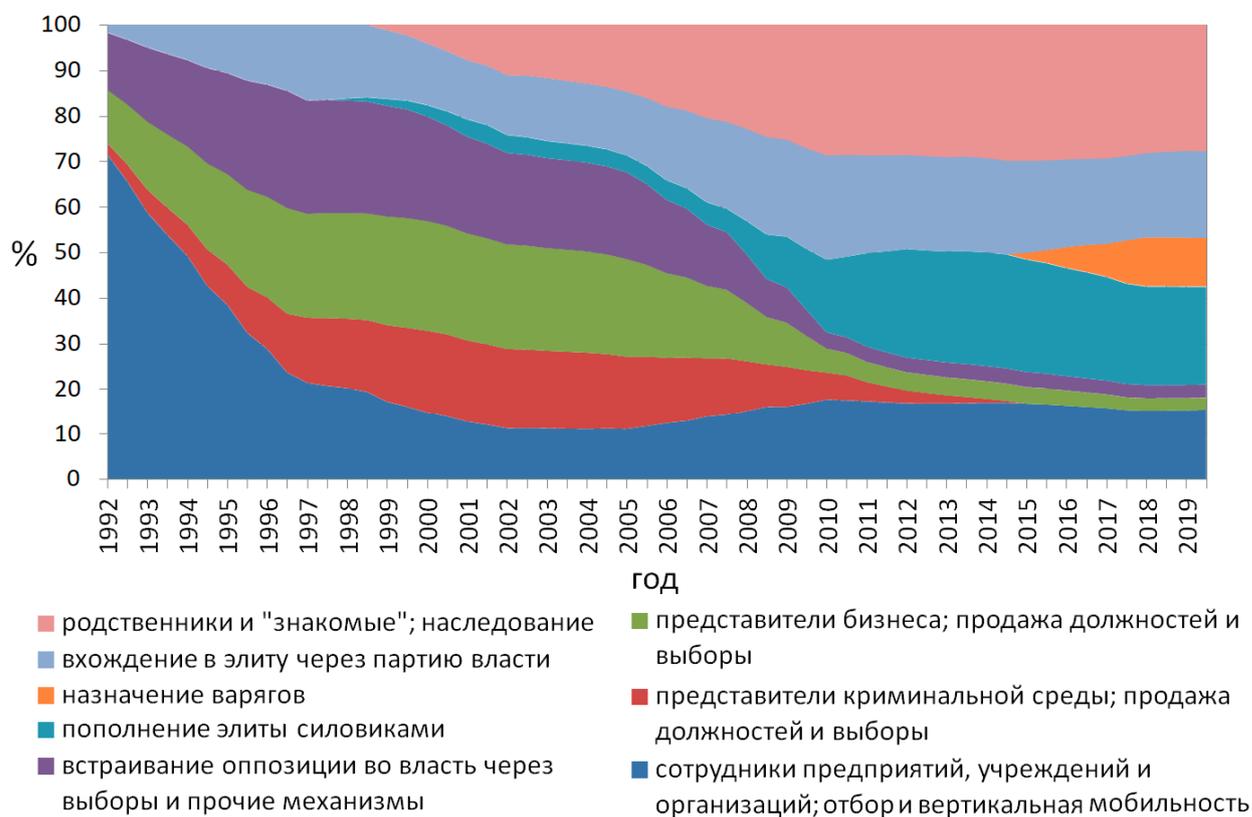

Рис. 15. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 2.2 «Сохранение номенклатурных механизмов»

Ключевой недостаток сценария 2.2 состоит в том, что среди всех альтернатив он является одним из самых труднореализуемых. Дело в том, что в 1990 г. были ликвидированы или сильно видоизменились акторы, которые приводили в действие механизмы отбора.

До разрушения номенклатурной системы рекрутированием «сотрудников предприятий и организаций» в низший и средний административный аппарат занимались ГК и РК КПСС (механизм «отбор 4» на рис. 1). После 1991 г. не осталось социально-политических акторов, чьи интересы были бы связаны с нормальным функционированием этого механизма. Лишь в конце 2010 г. федеральная власть, отвечая на запросы общества, приступила к разблокировке социальных лифтов. Однако этот процесс не может быть столь же эффективным как в советский период, поскольку региональные акторы его поддерживают слабо, а федеральные власти не имеют пока развитых инструментов для подбора и расстановки значительного количества кадров в регионах.

Подобную эволюцию претерпел и механизм отбора из низших и средних звеньев в высшее звено («отбор 3» на рис. 1). В советский период этой работой руководил обком (реском) КПСС. Региональные администрации после 1991 г. по сей день не видят своего интереса в сохранении этого механизма.

Сценарий 2.3: ограничение традиционалистских институтов

Этот сценарий, в сущности, не отличается от сценария 1.3 (рис. 9 и 10). Незначительные вариации строгости запрета на пополнение элиты из среды родственников и «знакомых» не существенны.

Любопытно, что этот сценарий борьбы с традиционалистскими институтами присутствует и в радикальном «образцовом транзите», и в «медленной эволюции номенклатурной системы». Действительно, пришествие во власть родственников и превращение элиты в сословие представляет собой альтернативу и демократической, и советской системе элитозамещения. Сущность этой альтернативы сводится к архаизации и

к возвращению наиболее примитивных доиндустриальных паттернов, одинаково чуждых как западно-демократическому, так и советско-номенклатурному вариантам модернизации элит.

Комплексный сценарий 2.4: сохранение преемственности

Результаты комплексного сценария отражают итоги постепенной модификации старых номенклатурных практик. Здесь сохраняются механизмы меритократического отбора и запрет на наследование элитных позиций, выборы не открывают дорогу во власть оппозиции, бизнесу и криминалу. Этот сценарий нельзя не признать наиболее здоровым. Низшее и среднее звенья элиты (рис. 16), после краткого периода превалирования криминала, заполняются людьми, отобранными благодаря их личным и профессиональным качествам. Высшее звено элиты (рис. 17), помимо партийцев, силовиков и варягов, содержит значительную долю кадровых бюрократов.

Более того, можно предположить, что в этом сценарии усилия федеральной власти по ограничению доступа в элиту через выборы должны быть менее выражены. Элита в этом сценарии никогда не переживала господство криминала и оппозиции, а значит, вероятно, федеральная власть в начале 2000 г. имела меньше мотивов для ослабления выборных принципов.

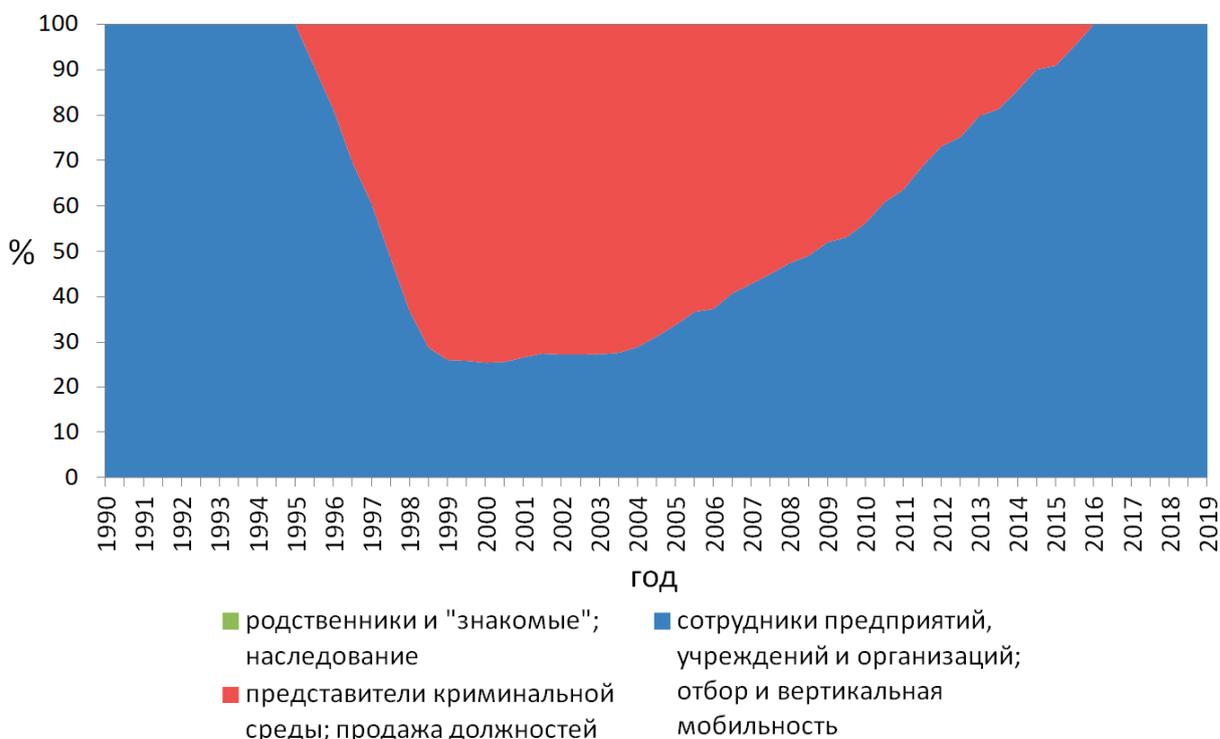

Рис. 16. Состав «новоприбывших» в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 2.4 «Сохранение преемственности»

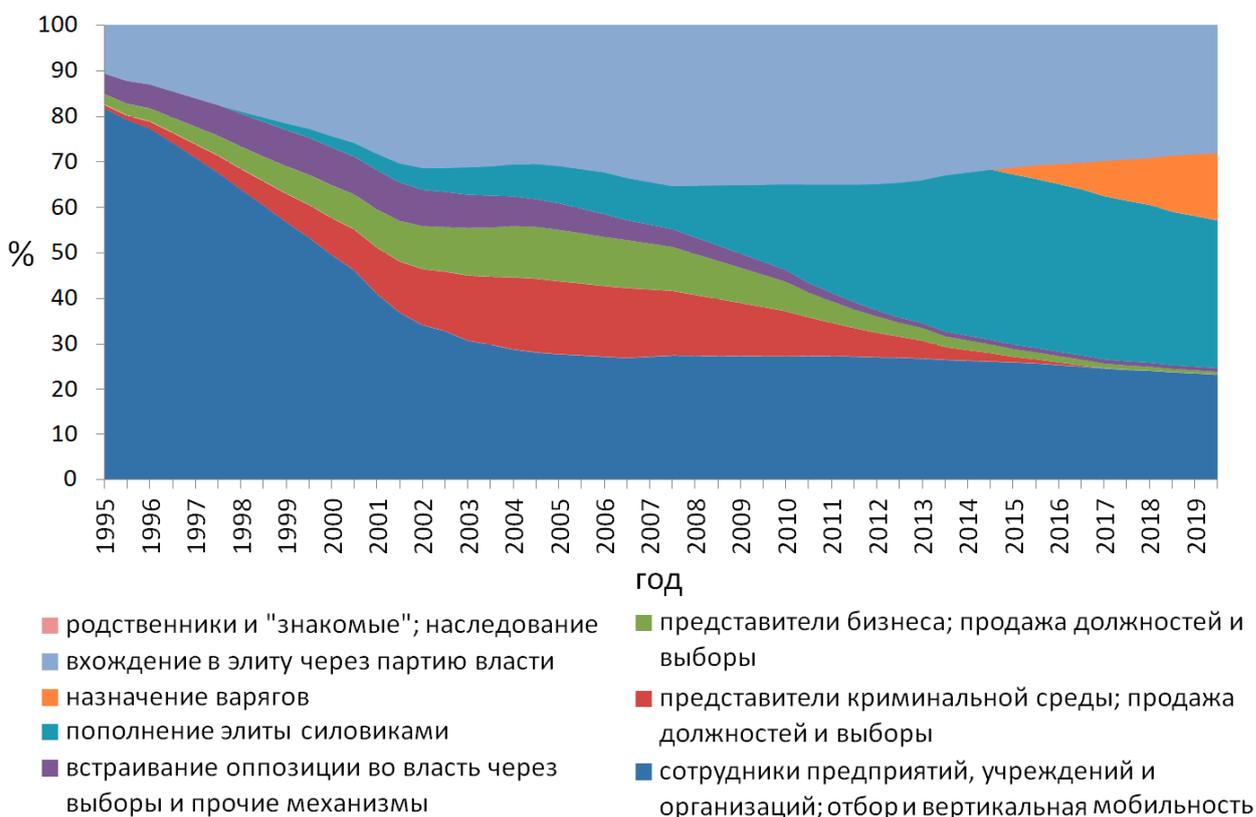

Рис. 17. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 2.4 «Сохранение преемственности»

Наибольшим препятствием к реализации этого сценария оказалась сама федеральная власть. Масштабное перераспределение собственности и приватизация спровоцировали системный конфликт между ветвями власти. Этот конфликт завершился силовым разгоном Верховного Совета и всей системы Советов в октябре 1993 г. Такие объективные обстоятельства способствовали тому, что в федеральном центре возобладало представление о том, что старые институты в регионах не могут быть опорой новой власти. Демократическая власть увидела гарантии своего существования не в модификации советских норм, учреждений и практик, а во всестороннем разрушении таковых. Лишь непосредственная угроза полного паралича региональных властей препятствовала форсированию таковой политики в середине 1990-х гг.

Третья серия экспериментов

Сценарий 3.1 не предусматривает выстраивания «вертикали власти» в начале президентства В.В. Путина. Это привело бы к тому, что тенденции 1990-х гг. в неизменном виде сохранились вплоть до сегодняшнего дня. Катастрофические результаты такого сценария для низших и средних звеньев элиты (рис. 18) очевидны. Криминальная среда стала бы резервуаром, из которого рекрутировались более 70% администраторов.

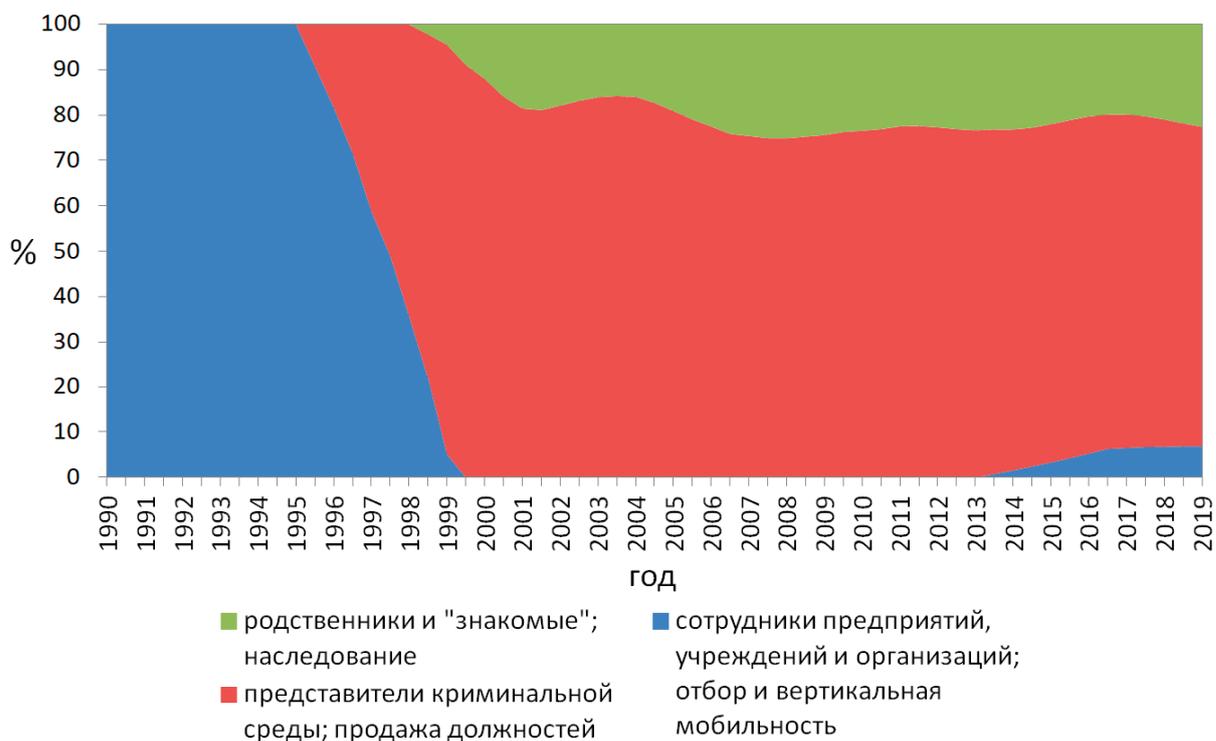

Рис. 18. Состав «новоприбывших» в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 3.1 «1990-е навсегда»

Динамика состава высшего звена элиты (рис. 19) не оставляет федеральной власти шансов на сохранение контроля над регионами. Доминирование в составе элиты криминала, бизнеса и оппозиции продолжается в течение всего рассматриваемого периода. Пополнение элиты силовиками и «варягами» происходит не слишком быстро и не меняет расстановку сил. Наиболее крупной фракцией элиты остаются родственники и «знакомые».

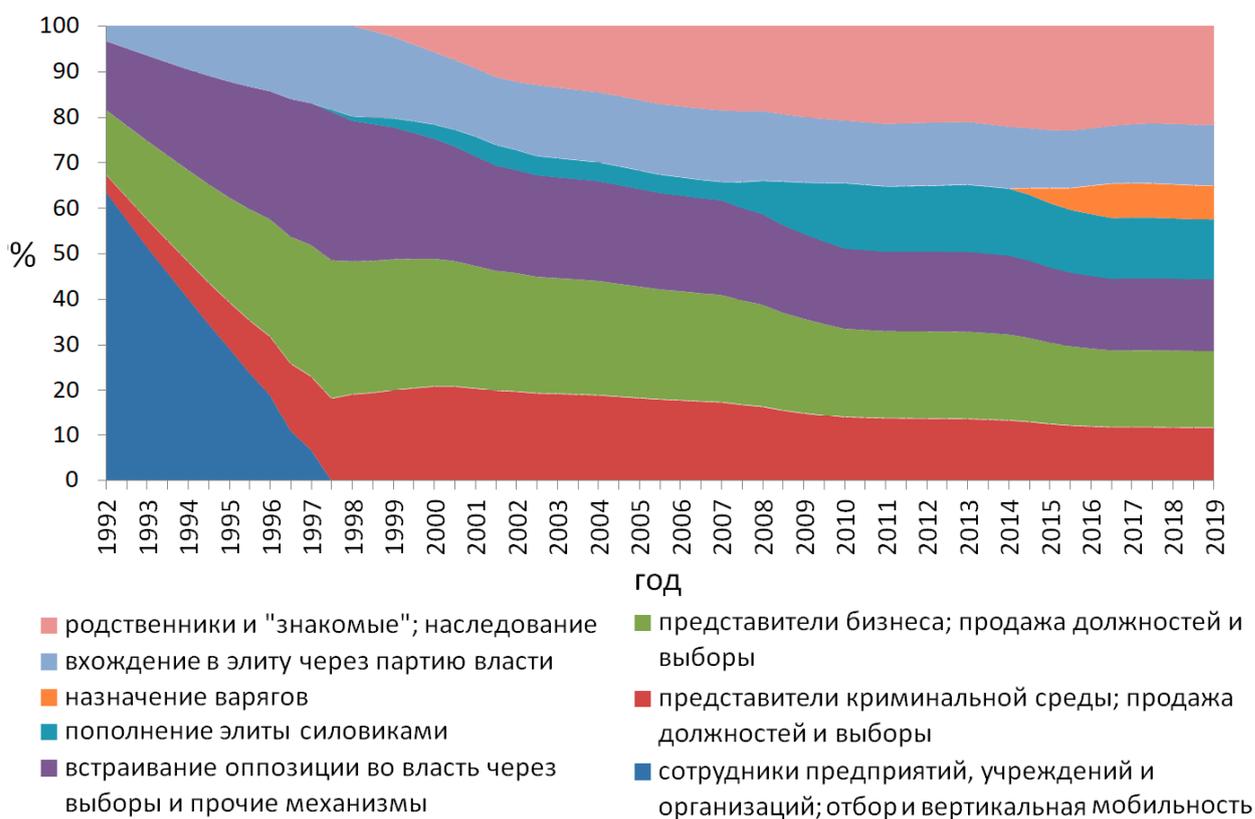

Рис. 19. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 3.1 «1990-е навсегда»

Неподконтрольность элит центру, их коррумпированность и криминализация в этом сценарии, безусловно, должна была быть сопряжена с отчуждением элит и местного населения.

В реалистичном сценарии эгоистичность местных элит, их стремление к наследственным практикам и слиянию с криминалом и бизнесом в определённой мере пресекались федеральным центром. Опираясь на лояльные фракции, центр вынуждал элиты ориентироваться на интересы регионального общества. Это позволяло сохранять социальный мир и легитимность политического режима. Но в сценарии 3.1 элита остаётся независимой как от общества, так и от федерального центра.

Заключение

Трансформация системы элитозамещения и динамика состава элит были сильно зависимы от фундаментальных исторических факторов; таких, прежде всего, как возникновение новых социальных сил и групп интересов. В значительной мере эволюция элит оказалась зависима также от стартовой точки – от решений, что были приняты федеральным центром в начале 1990-х гг.

Реализовавшийся сценарий включал в себя демонтаж старой номенклатурной системы, но при отказе от наиболее радикальных транзитарных рецептов, таких как люстрация. Пожалуй, ключевая особенность этого сценария состояла в том, что множество социальных сил получили доступ к формированию высшего звена региональной элиты. Среди них были новые силы, возникшие в связи с радикальной социально-экономической и политической трансформацией страны. Это бизнес, криминальные кланы, оппозиционные партии и партии власти, традиционалистские сетевые сообщества. Нельзя точно утверждать, что создание подобной конкурентной ситуации было сознательным выбором ельцинских реформаторов. Более реалистично предположение, что федеральная

власть на время потеряла контроль над элитозамещением и просто допустила всех значимых региональных акторов поучаствовать в этом процессе.

Одним из наиболее негативных результатов этого сценария была фактическая парализация советских механизмов кадрового отбора при формировании всех звеньев элиты. Принципы формирования региональных элит оказались бесконечно далеки от идеалов меритократии. Это не могло не привести к прогрессирующему отчуждению элиты от насаждения, в сердце политической культуры которого находятся идеи справедливости.

В начале 1990-х гг. был выбран, как показывает моделирование, не самый лучший вариант (2.4), но и далеко не самый худший. Многие альтернативы являлись более демократичными и правильными с точки зрения теории транзитов. Некоторые иные альтернативы казались современникам более лёгкими для власти и естественными для населения. Однако большая часть альтернативных сценариев, по сравнению с реалистичным, не вела к более позитивному исходу, который подразумевает более высокое качество элит, сбалансированность интересов и сохранение стабильности.

В реализовавшемся сценарии высокая конкуренция на некоторое время притормозила консолидацию высшего звена элиты в рамках неформальных кланов. Такой сценарий предусматривал деградацию качества и лояльности элит, но деградацию достаточно медленную. Это дало время для смены государственной стратегии в отношении системы элитозамещения в регионах.

К началу 2000-х гг. новая федеральная власть должна была действовать, чтобы предотвратить катастрофические тенденции. Стали вполне очевидными следующие угрозы: утрата управляемости регионов из центра, делегитимация региональных властей, доминирование неформальных коррупционных кланов и, как следствие, массовое недовольство населения. Плохоуправляемые, эгоистичные, непрофессиональные и коррумпированные региональные элиты, в сущности, представляли угрозу политическому режиму. Федеральный центр мобилизовал наиболее доступные ему инструменты для оздоровления региональных элит: снижение значимости выборов как канала рекрутирования элитариев из криминала и оппозиции, включение в состав элит силовиков, представителей партии власти и «варягов», а также препятствование деятельности неформальных коррупционных кланов и, наконец, полный запрет на инфильтрацию в элиты людей с криминальным прошлым.

Эта политика являлась частью выстраивания «вертикали власти» и дала некоторые результаты. К настоящему моменту в составе высшего звена региональной элиты сформировались лояльные группы (выходцы из партии власти, представители силовиков, «варяги») и практически полностью отстранены от значимых постов представители криминала.

Однако новая политика оказалась существенно деформирована старыми тенденциями, которые стартовали в начале 1990-х. Безусловно, новая федеральная власть не могла принципиально изменить социальную среду в регионах и все базовые механизмы рекрутирования элит. Во-первых, борьба с непосредственными угрозами (криминал, коррупция, сепаратизм) не позволила федеральному центру в достаточной мере осознать огромную и деструктивную силу традиционалистских институтов. Такие институты стали одним из бенефициаров борьбы государства с наследием 1990-х и обусловили интенцию региональных элит к замыканию и наследованию статусов. Во-вторых, разрушенные механизмы карьерного движения и меритократического отбора начали возрождаться (в очень усечённой форме) очень поздно – лишь в конце 2010-х гг.

В результате региональные элиты к концу изучаемого периода были существенно оздоровлены, но по-прежнему весьма далеки от того, чтобы стать эффективным драйвером развития регионов или реальным связующим звеном между региональным обществом и общенациональной политикой. Федеральному центру удалось добиться

повышения лояльности и управляемости, но качество элит и принципы их формирования по-прежнему генерируют отчуждение местных сообществ от местных властей.

После разрушения советской системы подбора кадров фактически перестал работать классический веберовский механизм пополнения высшего звена карьерными служащими из низшего и среднего звеньев. Непрерывной карьерной лестницы в регионах нет. Заметим, что если этот механизм по какой-то экстраординарной причине заработает сейчас, то это не улучшит качество высшего звена, поскольку будет способствовать продвижению вверх почти исключительно «родственников» и «лиц, прежде связанных с криминалом», заполнивших нижние уровни.

Перезапуск механизмов вертикальной мобильности возможен только тогда, когда низшее звено будет saniровано посредством длительной работы механизмов отбора.

Современная система рекрутирования, таким образом, обладает существенным пороком, связанным с недостатком внимания к низшим уровням административной иерархии и объективной структурной неспособностью существующей системы обеспечить их прогрессивное обновление.

Заметим также, что альтернативные сценарии не сформировали сбалансированное распределение объёмов влияния в элите со стороны выходцев из разных резервуаров. С нашей точки зрения, таковое сбалансированное распределение должно было бы означать превалирование провластных сил (включающих ядро элиты из карьерных служащих) при наличии заметного представительства оппозиционных и независимых выдвиженцев (кроме родственников и криминала).

Системная проблема всех альтернативных сценариев заключается в том, что они (как и реальная политика реформирования системы рекрутинга) осуществлялись по пути наименьшего сопротивления. Государство просто включало или выключало разные механизмы, не меняя радикально саму систему взаимоотношений акторов. Между тем, известно, что сходные структуры порождают сходные типы поведения. Базовый реалистичный сценарий оказался конгруэнтен принципам сосуществования акторов и правилам игры по поводу распределений власти. Поэтому любые коррективы в базовом сценарии вызывали, в конечном счёте, незапланированные негативные эффекты и дисбалансы. Вполне вероятно, что при таких условиях отрезок базового сценария с 2000-х гг. можно было бы назвать почти лучшим из возможных. Однако потакание традиционалистским институтам, которые насыщают элиту родственниками, конечно, препятствует таким оценкам.

Тем не менее, позитивное обновление элиты в современных условиях не представляется невозможным. Система рекрутирования явно содержит потенциал для корректировки.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-46-680457 «Моделирование процессов рекрутирования и трансформации региональных политических элит в современной России».

Литература

1. *Ахременко А.С.* Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 3. – С. 105–112.
2. *Гаман-Голутвина О.В.* Метафизические измерения трансформаций российских элит // Политическая концептология. – 2012. – № 3. – С. 38–53.
3. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: веки исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.

4. *Гараедаги Дж.* Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами: Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. – Минск: Гревцов Букс, 2010. – 480 с.
5. *Жуков Д.С., Сельцер Д.Г.* Системно-динамическая модель рекрутирования региональной административно-политической элиты: симуляции и результаты // *Pro nunc. Современные политические процессы.* – 2018. – № 2 (20). – С. 7–42.
6. *Жуков Д.С., Сельцер Д.Г.* Системно-динамическая модель рекрутирования региональной административно-политической элиты: диаграмма запасов и потоков // *Fractal Simulation,* – 2017. – № 1. – С. 5–18.
7. *Жуков Д.С., Сельцер Д.Г.* Трансформация региональной административно-политической элиты России: результаты компьютерных экспериментов с системно-динамической моделью // *Социально-гуманитарные знания,* – 2019. – № 8. – С. 7–16.
8. *Медоуз Д.* Азбука системного мышления. – М.: Бином, Лаборатория знаний, 2011. – 343 с.
9. *Митрохин С.* Предпосылки и основные этапы децентрализации государственной власти в России // *Центр – регионы – местное самоуправление / под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой, С. Рыженкова.* – М.-СПб.: Летний сад, 2001. – С. 47–87.
10. *Мохов В.П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.). – Пермь: ПГТУ, 1998. – 256 с.
11. *Мохов В.П.* Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. – Пермь: ПГТУ, 2000. – 204 с.
12. *Нечаев В.Д.* Децентрализация, демократизация и эффективность. Реформа федеративных отношений и местного самоуправления через призму теории эффективной децентрализации // *Полис. Политические исследования,* – 2003. – № 3. – С. 92–101.
13. *Сельцер Д.Г.* Взлеты и падения номенклатуры. – Тамбов: ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. – 592 с.
14. *Сельцер Д.Г.* Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // *Pro nunc. Современные политические процессы,* – 2017. – № 2. – С. 27–32.
15. *Сельцер Д.Г.* Центр-периферийные отношения в России (1991-2018 гг.): контуры модели // *Социально-гуманитарные знания,* – 2018. – № 8. – С. 8–15.
16. *Сельцер Д.Г., Жуков Д.С.* Рекрутирование региональной административно-политической элиты России, 1990-2017 гг.: подходы к построению системно-динамической модели // *Журнал политических исследований.* – 2017. – Т. 1. – № 4. – С. 78–101. URL: <https://riorgpub.com/ru/nauka/article/19598/view> (дата обращения: 09.12.2019).
17. *Сельцер Д.Г., Жуков Д.С.* Элементы системно-динамической модели рекрутирования региональных административно-политических элит // *Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира / под ред.: А.Ю. Шутов.* – Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС, 2019. – С. 282–287.
18. *Федорченко С.Н.* Государственная кадровая политика в Советском Союзе и современной России: политико-философский анализ. – М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2017. – 154 с.
19. *Форрестер Дж.* Мировая динамика. – М.: Наука, 1978. – 168 с.
20. *Чирикова А.Е., Ледаев В.Г.* Власть в малом российском городе. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. – 414 с.
21. *Чирикова А.Е., Ледаев В.Г., Сельцер Д.Г.* Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // *Полис. Политические исследования,* – 2014. – № 2. – С. 88–105.
22. *Armenia S., Carlini C., Onori R., Saullo A.P.* Policy modeling as a new area for research: perspectives for a systems thinking and system dynamics approach? // *2nd International Symposium “Systems Thinking for a Sustainable Economy. Advancements in Economic and Managerial Theory and Practice”.* – Roma: Universitas Mercatorum, 2014. – P. 1-22.

23. *Axelrod R.* Modeling Security Issues of Central Asia. – Ann Arbor: University of Michigan, 2004. – 23 p.
24. *Choucri N., Goldsmith D., Madnick S., Mistree D., Morrison, J. B., Siegel M.* Using system dynamics to model and better understand state stability // MIT Sloan Research Paper, – 2007. – No. 4661-07. – P. 1–42. URL: <https://ssrn.com/abstract=1011230> (дата обращения к ресурсу: 01.12.2019).
25. *Ledyaev V., Chirickova A., Seltser D.* Who governs? Power in the local Russian community // *Journal of Political Power*, – 2014. – Vol. 7. – Issue 2. – P. 211-231.
26. *Ledyaev V.G., Chirikova A.E.* Governors and local elites in Russia: patterns of interaction // *European politics and society*, – 2019. – Vol. 20. – Issue 3. – P. 315-332.
27. *Ledyaev V.G., Chirikova A.* Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government // *Urban Affairs Review*, – 2017. – Vol. 53. Issue 6. – P. 990-1024.
28. *Ledyaev V.G., Chirikova A.E.* Urban regimes in small Russian towns // *City & Community*, – 2019. – Vol. 18. – Issue 3. – P. 812-833.
29. *Sharafutdinova G., Turovsky R.* The politics of federal transfers in Putin's Russia: Regional competition, lobbying, and federal priorities // *Post-Soviet Affairs*, – 2017. – Vol. 33. – Issue 2. – P. 161-175.
30. *Sorci P.* Measuring the impact of a state's legal and organizational framework on social capital through system dynamics modeling // *Rangsit Journal of Social Sciences and Humanities*, – 2015. – Vol. 2. – Issue 2. – P. 49-65.
31. *Turovsky R., Gaivoronsky Y.* Russia's regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers // *European Politics and Society*, – 2017. – Vol. 18. – No 4. – P. 529-551.

References

1. Akhremenko A.S. Dinamicheskiy podkhod k matematicheskomu modelirovaniyu politicheskoy stabil'nosti [A dynamic approach to mathematical modeling of political stability]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Policy research], 2009, I. 3, pp. 105-112.
2. Gaman-Golutvina O.V. Metafizicheskie izmereniya transformatsiy rossiyskikh elit [Metaphysical measurements of transformations of Russian elites]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2012, I. 3, p. 38-53.
3. Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsiyu.* [Political Elites of Russia: Milestones in Historical Evolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 448 p.
4. Gharajedaghi J. *Sistemnoe myshlenie. Kak upravlyat' khaosom i slozhnymi protsessami: Platforma dlya modelirovaniya arkhitektury biznesa* [Systems Thinking: Managing Chaos and Complexity: A Platform for Designing Business Architecture]. Minsk, Grevtsov Books Publ., 2010. 480 p.
5. Zhukov D.S., Seltser D.G. Sistemno-dinamicheskaya model' rekrutirovaniya regional'noy administrativno-politicheskoy elity: simulyatsii i rezul'taty [The system-dynamic model of recruiting the regional administrative-political elite: simulations and results]. *Pro nunc. Sovremennye politicheskie protsessy* [Pro nunc. Modern political processes]. 2018, I. 2 (20), pp. 7-42.
6. Zhukov D.S., Seltser D.G. Sistemno-dinamicheskaya model' rekrutirovaniya regional'noy administrativno-politicheskoy elity: diagramma zapasov i potokov [The system-dynamic model of recruiting the regional administrative and political elite: stock and flow chart]. *Fractal Simulation*, 2017, I. 1, pp. 5-18.
7. Zhukov D.S., Seltser D.G. Transformatsiya regional'noy administrativno-politicheskoy elity Rossii: rezul'taty komp'yuternykh eksperimentov s sistemno-dinamicheskoy model'yu [Transformation of Russia's regional administrative and political elite: Results of computer experiments with a system-dynamic model]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2019, I. 8, pp. 7-16.

8. Meadows D. *Azbuka sistemnogo myshleniya* [Thinking in Systems: A Primer]. Moscow, Laboratory of Knowledge Publ., 2011. 343 p.
9. Mitrokhin S. Predposylki i osnovnye etapy detsentralizatsii gosudarstvennoy vlasti v Rossii [Background and main stages of decentralization of state power in Russia]. *Tsentr – regiony – mestnoe samoupravlenie* [Center - Regions - Local Government]. Moscow, Summer Garden Publ., 2001, pp. 47-87.
10. Mokhov V.P. *Evolutsiya regional'noy politicheskoy elity Rossii (1950-1990 gg.)* [The evolution of the regional political elite of Russia (1950-1990)]. Perm, PSTU Publ., 1998, 256 p.
11. Mokhov V.P. *Elitizm i istoriya. Problemy izucheniya sovetskikh regional'nykh elit* [Elitism and history. Problems of studying Soviet regional elites]. Perm, PSTU Publ., 2000, 204 p.
12. Nechaev V.D. Detsentralizatsiya, demokratizatsiya i effektivnost'. Reforma federativnykh otnosheniy i mestnogo samoupravleniya cherez prizmu teorii effektivnoy detsentralizatsii [Decentralization, democratization and efficiency. Reform of federal relations and local self-government through the prism of the theory of effective decentralization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Policy research], 2003, I. 3, pp. 92-101.
13. Seltzer D.G. *Vzlety i padeniya nomenklatury* [The ups and downs of the nomenclature]. Tambov, OGUP Tambovopolygraphizdat Publ., 2006. 592 p.
14. Seltzer D.G. Rekrutirovanie lokal'noy administrativnoy elity Rossii: iskhodnye dannye dlya postroeniya sistemno-dinamicheskoy modeli [Recruiting the local administrative elite of Russia: initial data for building a system-dynamic model]. *Pro nunc. Sovremennye politicheskie protsessy* [Pro nunc. Modern political processes], 2017, I. 2, pp. 27-32.
15. Seltzer D.G. Tsentr-periferiynye otnosheniya v Rossii (1991-2018 gg.): kontury modeli [Center-peripheral relations in Russia (1991-2018): model outlines]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2018, I. 8, pp. 8-15.
16. Seltzer D.G., Zhukov D.S. Rekrutirovanie regional'noy administrativno-politicheskoy elity Rossii, 1990-2017 gg.: podkhody k postroeniyu sistemno-dinamicheskoy modeli [Recruiting the regional administrative and political elite of Russia, 1990-2017: approaches to building a system-dynamic model]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Politic Research]. 2017, V. 1, I. 4, pp. 78-101. Available at: <https://riorpub.com/ru/nauka/article/19598/view> (Accessed: 09.12.2019).
17. Seltzer D.G., Zhukov D.S. Elementy sistemno-dinamicheskoy modeli rekrutirovaniya regional'nykh administrativno-politicheskikh elit [Elements of a system-dynamic model of recruiting regional administrative and political elites]. *Rossiyskaya elitologiya: innovatsionnye otvety na vyzovy sovremennogo mira* [Russian elitology: innovative answers to the challenges of the modern world]. Rostov-on-Don, YURIUF RANEPА Publ., 2019, pp. 282-287.
18. Fedorchenko S.N. *Gosudarstvennaya kadrovaya politika v Sovetskom Soyuze i sovremennoy Rossii: politiko-filosofskiy analiz* [State personnel policy in the Soviet Union and modern Russia: political and philosophical analysis]. Moscow, Research and Publishing Center INFRA-M Publ., 2017, 154 p.
19. Forrester J. *Mirovaya dinamika* [World dynamics]. Moscow, Science Publ., 1978. 168 p.
20. Chirikova A.E., Ledyayev V.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in a small Russian city]. Moscow: HSE Publishing House, 2017, 414 p.
21. Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltzer D.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystvie osnovnykh aktorov* [Power in a small Russian city: configuration and interaction of major actors]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Policy research]. 2014. I. 2, pp. 88-105.
22. Armenia S., Carlini C., Onori R., Saullo A. P., Policy modeling as a new area for research: perspectives for a systems thinking and system dynamics approach? *2nd International Symposium "Systems Thinking for a Sustainable Economy. Advancements in Economic and Managerial Theory and Practice"*. Roma, Universitas Mercatorum Publ., 2014, pp. 1-22.

23. Axelrod R. *Modeling Security Issues of Central Asia*. Ann Arbor, University of Michigan Publ., 2004. 23 p.
24. Choucri N., Goldsmith D., Madnick S., Mistree D., Morrison, J. B., Siegel M. Using system dynamics to model and better understand state stability. *MIT Sloan Research Paper*, 2007, I. 4661-07, pp. 1–42. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1011230> (Accessed: 02 April 2019).
25. Ledyaev V., Chirickova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community. *Journal of Political Power*, 2014, V. 7, I. 2, pp. 211-231.
26. Ledyaev V.G., Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction. *European politics and society*, 2019, V. 20, I. 3, p. 315-332.
27. Ledyaev V.G., Chirikova A. Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government. *Urban Affairs Review*, 2017, V. 53, I. 6, pp. 990-1024.
28. Ledyaev V.G., Chirikova A.E. Urban regimes in small Russian towns. *City & Community*, 2019, V. 18, I. 3, pp. 812-833.
29. Sharafutdinova G., Turovsky R. The politics of federal transfers in Putin's Russia: Regional competition, lobbying, and federal priorities. *Post-Soviet Affairs*, 2017, V. 33, I. 2, pp. 161-175.
30. Sorci P., Measuring the impact of a state's legal and organizational framework on social capital through system dynamics modeling. *Rangsit Journal Of Social Sciences And Humanities*, 2015, V. 2, I. 2, pp. 49-65.
31. Turovsky R., Gaivoronsky Y. Russia's regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers. *European Politics and Society*, 2017, V. 18, I. 4, pp. 529-551.